

Алексей Калинин

ВОЙНА КЛАНОВ

ОХОТНИК 2

18+

Алексей Калинин

Война кланов. Охотник 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43174648

SelfPub; 2019

Аннотация

Скучающие Боги запустили в мир игру. Три клана, как повелось изначально, и каждый из Богов стремился помочь только своим игрокам. Перевес остался за охотниками, но остальные не смирились со сложившимся порядком... Прошло время, Боги забросили игру, но не сказали об этом игрокам! В мире всё те же междоусобицы, также льется кровь и звенит металл. Наступило время финальной битвы. Останется один клан, а остальные должны сгинуть навсегда!

Содержание

Том второй	4
Первое убийство	4
Тренировка	33
Амнистия	52
Бой за жизнь	73
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Том второй

Первое убийство

– Вставай, Саша. Пора подниматься! Вставай, говорю! – громкий голос набирает пронзительности. – Вставай! Кому сказано?

Кровать не хочет выпускать из теплых объятий. Так хорошо лежать на нагретой простыне и чувствовать расслабление тела. Как бы хотелось продлить это мгновение... Увидеть, что Митька остался жив...

– Теть Маш, ну ещё полчаса, я же в школу сегодня не пойду! – я натягиваю на уши одеяло.

– Вставай, говорю! Пора начинать тренировки, или ты собираешься от оборотней грязными трусами отмахиваться? – не унимается тетя.

– Ну, ещё пять минуточек. Так давно не спал на нормальной кровати, на чистом белье, на мягких подушках, – я пытаюсь надавить на жалость, но безрезультатно.

– Хорошо, я отстану от тебя, и впредь не буду трогать, если сможешь щелкнуть меня по лбу, – идет на компромисс коварная женщина.

Вот знал бы о дальнейшем, ни за какие коврижки бы не повелся.

– Теть, да после моего щелбана придется «Скорую» вызывать, – я выглядываю из-под одеяла.

Тетя застывает посреди кухни – худенькие ноги в войлочных тапочках, ситцевый халатик поверх ночнушки и пластмассовые бигуди на седых волосах. Тонкие руки на уровне груди вызывающе помахивают. Вид щупленькой тети, стоящей в странной боевой стойке, заставляет меня расхохотаться. Подобное грозное зрелище прогоняет прочь остатки сна. Надо вставать.

– Ты прямо Ван Дамм в засушенном виде! – приходится вылезать из теплого плена кровати и шлепать к раковине.

Тетя не сдвигается с места, лишь слегка наклоняет голову, когда я попытался обойти с левой стороны. Что происходит дальше – не вписывается ни в какие рамки...

Стальные пассатижи проводят молниеносный захват чуть выше кадыка, и чугунный рельс бьет под колени. По крайней мере – ощущения схожие.

Две миллисекунды спустя я прикладываюсь спиной о твердый пол так, что от приземления выбивает дыхание. В комод тонко звякает посуда. Пару минут я пытаюсь отдышаться. Тетя спокойно взирает сверху.

– Так ты дашь щелбан, или я состарюсь и помру не щёлкнутая ни разу?

– Как так? Может, я поскользнулся? – я приподнимаюсь на локтях.

– Да-да, поскользнулся, попробуй ещё раз. Охотничек...

Вскочив на ноги, я протягиваю руку к ролику бигуди надо лбом тети. Рука проваливается в пустоту. Запястье окольцовывает стальная хватка. Тетя на мгновение превращается в размытый столбик, вокруг которого пролетает мое тело. Я впечатываюсь в те же самые половицы, в спине громко хрустит. Посуда звякает громче. Я глотаю теплый воздух как горячий чай – он с трудом пробивается в легкие.

– Тебе на кровати места мало? Решил ещё и на полу понежиться? – улыбка тети Маши собирает морщинки на лице, превращает его в печеное яблочко.

Подтянув ноги к груди, я взлетаю с пола в стойку – в полной готовности отразить любую атаку. Раньше это производило впечатление, особенно на девушек.

– Где же тебя так учили стоять? В балетной школе? Чего же пачку не надел с пуантами? – ехидничает тётя.

Так явно надо мной ещё никогда не издевались, даже в детском саду. Я готовлюсь в случае чего вызвать «Скорую», и резко выстреливаю в белый рулончик бигуди, решив не доносить руку до лба. Моя «короночка» – хлесткий удар, он не раз приносил очки на ковре.

Оказалось, что это не тот случай...

Очертания тети слегка размываются, кулак пролетает вперед. Левую руку рвет вниз, следом устремляется тело и, сделав кувырок вперед, я приземляюсь с ещё большим грохотом.

С посудного комода падает чашка. У самого пола её подхватывает за ручку непонятно как возникшая там тетя. Только что ухмылялась, глядя на меня, хлоп! – исчезает из виду и вот уже распрямляется в трех метрах от места, где только что была.

Ну, ничего себе, вот это скорость!

Воздуха в груди как будто никогда и не было. Жар самого знойного дня в пустыне поселяется в легких. Я хватаю воздух и похож на вытщенного на берег караса.

Тетя усаживается за стол и меланхолично наливает чай в спасенную чашку.

– Я правильно понимаю, что слово «высыпаться» для меня стало недостижимой роскошью? Буду как мокрая соль в солонке, – я с трудом выдыхаю сквозь стиснутые зубы.

– Правильно. Ты должен быть готов встретиться с оборотнями. Так что сон, обжираловка, алкоголь – для тебя пропадают на время. Имей в виду, всё чему ты обучался в своем балетном кружке под названием «рукопашная секция», придется откинуть в сторону, а то и вовсе забыть. Мышцы, сухожилия, хрящи, кости – всё необходимо укреплять и развивать. Однако не в мускулах сила. Главное в голове, но тебе лучше сосредоточиться на физических составляющих. Для мозга же нужен переворот, встряска, иначе все уйдет в пустоту – вроде как с холодной водой в бане, чтобы запомнил. Этим мы и займемся ночью. Ты же у нас бандит и беглый каторжник. Чего валяешься-то? Досыпать вздумал? – тетя об-

лизывает ложку.

Я пробую приподняться, раздаётся кастаньетный перестук позвонков, которые встают на место, и решаю полежать ещё чуть-чуть.

– Тетя, а ты никогда не задумывалась, почему в стихотворении Маршака звучит такая странная фраза – «А у нас сегодня кошка родила вчера котят»? Вроде сегодня и вчера одновременно, как же такое может быть? – вновь предпринимаю попытку подняться, на сей раз получается.

– Ой, сейчас и не такое напишут. А ведь в школе не обращала внимания, учила, как и все, не думала даже о многострадальной кошке, – раскатывается колокольчиковый смех.

Я радуюсь смеху и тянусь к пирогам, но не успеваю отдернуть руку, как ложка резко бьёт по кисти. Ойкаю, недоуменно посмотрев на тётю. На коже вздувается красная шишка. Тётя хмурится и помешивает чай.

– Бо-бо? Ничего, это лишь начало. Тебе очиститься нужно, поэтому будешь принимать настой из трав. После двух дней перейдешь на здоровую пищу. Не смотри так жалостливо, для тебя же стараюсь. Ты должен подготовиться к обучению...

– Тетя Маша, как говорил один знакомый, после горохового супа: «В здоровом теле – здоровый дух!» Чего же здорового в настое на травках? Я же отощаю и помру молодой, – я снова пытаюсь схватить пирог и опять не успеваю отдернуть руку.

– Я что сказала? И вообще, для всех ты беглый, поэтому не показывайся перед окнами, на улицу только ночью, днем же будешь в подвальной комнате! – на тетино лицо словно набегают тень.

– Опять в подвал? Лучше бы в камере остался, там хоть кормили!

– Дурак! Там бы и ухайдокали, или не слышал историю, как в этой камере пропал человек? Костяшками от домино размочалили кости и спустили в унитаз. Был на вечерней поверке заключенный, а утром нет его и в помине. Написали, что убёг. Вот так бы и тебя отправили в "свободное плавание". Хорошо, что Иваныч помог! Дуй в подпол и без разговоров! – тетя встает, отдергивает половичок-дорожку и открывает крышку в подпол.

Отлично замаскированная крышка – почти как у берендеев. Да, в этом доме тоже есть свои сюрпризы.

Эх, и зачистил же я по подвалам и щелям прятаться, но делать нечего – жизнь дороже. Ступени жалобно отзываются на немаленький вес, земляной пол тихо ухает, когда я спрыгиваю с последней доски. Небольшой подпол, банки с вареньями-соленьями, картошка, кабачки. Стандартный набор на зиму – и среди этого добра придется ютиться?

– Отодвинься, чего встал на пути? – ворчит тетя.

– Тетя, а как здесь жить? Я же не дитё подземелья, к тому же на голодный желудок могу и картошку всю погрызть! – запах пирогов ещё теребит ноздри.

Тетя сдвигает в сторону банку с солеными огурцами, в стене открывается невысокий проход. В руке чернеет цилиндр фонаря.

– Аккуратно ступай за мной, не отставай, а то кроты утащат, – тетя первая ныряет в темный проход.

Я следую за ней, в сырую прохладу. Чем-то мне это напомнило сон про убийство родителей. Корни деревьев вылезают из стен, под ноги попадают неглубокие ямы.

Уползай, мальши, уползай!

– Ого, а скелеты будут? – спрашиваю я у торопящейся тетки.

– Если кто-то продолжит задавать глупые вопросы, то не исключено, – ворчит тетя, фонарь в её руках освещает тоннель впереди.

Стены и потолок поддерживаются деревянными подпорками, на утоптанном полу иногда встречаются крупные доски. Ореол таинственности витает в затхлом воздухе, как в фильмах про старинные клады. Не хватает только воющего призрака с гремящими цепями.

– Забавный домик, даже с ходом подземным. А почему мы раньше сюда не приезжали?

– Раньше не нужно было, а теперь вот пригодилось. Это одна из тренировочных баз охотников, подобные раскиданы близ больших городов, чтобы обучать новобранцев, – отвечает тетя. – Почти пришли.

Проходим далеко, судя по затраченному времени. Тетя

толкает деревянную дверцу, обитую железными полосами, та беззвучно отворяется. А я-то ожидал противного скрипа: или врут всё в фильмах, или тетя смазала петли перед моим появлением.

Ого, да тут целый бункер, тусклый свет трех ламп освещает четырехугольное помещение. Широкая скамья больше напоминает больничную банкетку – почти увидел сидящих бабушек в ожидании очереди. Возле неё большая деревянная кадushка с песком, в подобных красуются пальмы в гостиницах, или же плещутся в сказках говорящие щуки. Рядом стопка обшарпанных книг, сразу вспомнились техникумовские пары и сладкий сон на жесткой парте. Эх, как я тогда не понимал своего счастья... С крюков в подкопченном потолке свисают боксерские груши, три разноразных чучела щерятся в углу.

– Круто! Тут не то, что от оборотней – от атомного удара спрятаться можно, – присвистываю я.

– Как раз сейчас мы находимся под холмом Дмитрия Пожарского – по легенде воины шлемами натаскали землю, чтобы создать ему возвышение. И именно с этого холма началось освобождение Руси от польских захватчиков. Так что наливайся мужеством и храбростью от призраков героев! – прищелкивает языком тетя.

– А мне сегодня сон приснился, где поляки хорошие были, – вспоминаю я о своем сновидении.

– Нет плохих или хороших людей, есть различное воспи-

тание и отношение к ним. Как человек воспринимает мир, так и будет поступать. Тебе ли это не знать, ты вон на все лыбишься, может, поэтому и жив до сих пор, – улыбается тетя Маша.

– Тетя Маша, так я смеюсь, чтобы не расплакаться!

– Осматривайся пока! Позже к тебе спущусь!

Тетя захлопывает дверь. В квадратной коробке с гладкими стенами остается едва слышное гудение тока, спешащего к лампам. Я подхожу к чучелам.

Опаньки! Старый знакомый!

Вылупившись налитыми кровью глазами, на меня скалится серый оборотень из ночного кошмара, лишь не хватает белого пятна на лобастой башке. Осматриваю его со всех сторон, шлепаю по блестящему носу, отчего чучело качается взад-вперед, а я в испуге отскакиваю. Смеюсь над собственным страхом и тут же обрываю смех – в замкнутом пространстве он звучит зловеще.

Второе чучело. Улыбается человеческий манекен из магазина, подобных красавцев выставляют в ярко освещенных витринах. А вот возле третьего я останавливаюсь подольше.

Мохнатая фигура возвышается горой мускулов, щерится оскаленная пасть, острые клыки длиной с палец спокойно могут перегрызть кости мамонта. Верхние лапы по толщине как свернутые персидские ковры, а на широкой груди можно выспаться. Такие оборотни ещё не попадались, но, судя по тетиним словам, я пересекался с ними. Так вот как выглядит

Михаил Иванович в обличье зверя.

Получеловек-полумедведь.

На телах чучел красной краской светятся пятнышки, если я правильно понял, то так обозначаются болевые точки. У оборотней они расположены немного иначе, чем на теле человека – органы смещаются во время трансформации?

Я присаживаюсь на отлакированную скамью, пролистываю старые записи, местами написанные от руки. Одна книга оказывается учебником по растениеводству, но названия знакомых растений другие. Под картинкой с подорожником написано «Поранник», под одуванчиком «Остружник». Никогда не замечал в себе любви к биологии, поэтому учебник падает на прежнее место.

Гудение тока усилилось, или это я прислушался к тишине?

Непрерывное жужжание слегка раздражает. Из-за металлической двери не доносится ни звука. В тон гудению урчит желудок.

Где там напиток богов?

Ага, возле банкетки. Трехлитровая банка с мутноватой янтарной жидкостью, на запах вроде ничего, а вот вкус оставляет желать лучшего. Терпко-горький букет оттенков проваливается в жаждущее нутро. Гадость редкая, я с трудом подавляю рвотные позывы.

Пролистываю ещё одну книгу, в ней старорусской вязью описаны встречи с оборотнями. "Как распознать переверты-

ша – ежели кушак повязан левым концом сверху, то буди наготове".

Вряд ли в настоящем эта особенность пригодится.

«В какую полночь звери становятся сильнее... как происходит перекидывание... где замечены самые большие скопления». Целый трактат, а вот как сделать так, чтобы отстали – увы, древние охотники не написали.

Я прохожусь по залу, от моего удара отлетает груша. Нет кулак, когда я бью во второй раз – снаряд мотается чуть сильнее. Да чем же она набита? В зале рукопашного боя груши взлетали чуть ли не до потолка, а тут лишь лениво колыхнулась, словно я пнул лежащего в луже толстого борова.

Я подпрыгиваю с разворотом и основательно прикладываюсь стопой о твердую поверхность – киношные каратисты сошли бы с ума, увидев такой удар. Груша слегка виляет в сторону, а меня же относит назад. Почти грохнулся на пятую точку, когда за шиворот поддерживает твердая рука. Я вздрагиваю от неожиданности.

– Развлекаешься? – спрашивает тетя.

– Теть Маш, пробую. Никогда не видел таких груш, словно статуи, отлитые из металла! И как ты так тихо зашла? – я оглядываюсь на дверь, она слегка приоткрыта, и ни один шорох не выдал вошедшую тетку.

– Может и вовсе не увидел этих груш, если бы на тебя не началась охота. Жил бы обычной жизнью, растил детишек и любил жену. Тихо зашла? Так я специально топала погромче,

да только ты не услышал, пока пытался покалечить грушу, – тетя открытой ладонью бьет по моему снаряду.

От легкого шлепка грушу уносит к потрескавшемуся потолку, на противоходе тугой мешок летит на меня.

– Блокируй! – командует тетя.

Я выставляю предплечья в попытке остановить летящий снаряд. Ага, с таким же успехом можно постараться задержать падающий ствол многовекового дерева. Жесткий рулон врежется в предплечья, и меня откидывает к стене.

Многострадальная спина, сколько же тебе пришлось вынести в этот день. Холодная стена встречает жесткой поверхностью, грушу уносит обратно, и тетя легонько касается её. Тяжеленный снаряд останавливается, слегка покачиваясь над полом. Тётя Маша поджимает губы и её седые завитушки укоризненно качаются.

– В чем твоя ошибка?

– В том, что приехал к тебе? А не умчался на крайний север? – я растираю ноющую спину.

– Ты попытался остановить противника, когда можно всего лишь уйти с линии атаки и обратить чужую силу в свою пользу. Оборотни заведомо сильнее людей и не нужно надеяться на честный бой. Ведь будет так, словно лесоруб выйдет на ринг с первоклашкой! – тетя кивает на стоящие в углу чучела. – Тебе рано касаться груши, сегодня тренируешь пальцы. Видишь в углу кадушку с песком? Вот и первое задание, постарайся сильно не шуметь! Смотри!

Тетя одним движением втыкает целиком ладонь в песок и резко выдергивает из деревянной кадушки. Ни одной песчинки не упало на пол.

Я тоже пробую – пальцы по фалангу погружаются в сыпучую массу и натываются на неодолимую преграду. Дальше не пускают спрессованные слои, а когда по примеру тети выдергиваю руку, то целая пригоршня вылетает наружу и осыпает ровный пол.

– Тренируйся, а ночью сможешь замкнуть Защитный круг. Пей настой – тебе нужно очищение. Не думай про сопротивляющийся песок, представляй себе ласковую воду, – тетя улыбается на прощание и легкой бабочкой улетает к выходу.

– То есть пирожков сегодня не ожидается? – с прежним успехом я загоняю пальцы в кадушку и поднимаю глаза.

– Пока не заслужил! – отрезает тетя.

Опять в гудящей тишине скалятся чучела, поскрипывает качающаяся груша.

Так! Представил себе теплую воду, мягкую, ласковую, что жарким летним днем облизывала разгоряченный песок пляжа. Представил и вонзил...

Ё-моё, больно-то как!

До вечера я пытаюсь пронзить твердые слои, горки песка осыпают кадушку. Подушечки немеют, то и дело приходится растирать пальцы, края ногтей синеют от прилившей крови до цвета спелых слив. Хочется бросить всё и растянуться на

скамейке, но лишь взгляд падает на стоящие чучела, как я вновь начинаю взрывать песок.

Травяной настой ополовинен, жутко хочется в туалет, но не в угол же идти, потом самому же придется нюхать. Наконец дверь открывается. На этот раз я услышал легкий стук – сиденье в глухом помещении все-таки обостряет чувства.

– Ну что, Монте-Кристо, выходи на свободу. К окнам не приближайся! – тетино лицо опять превращается в сморщенное яблочко.

– Пусти в туалет, злая надзирательница! Даже у Монте-Кристо были удобства! – отвечаю в той же манере.

– Шуруй, страдалец! Про туалет-то я и забыла, зато потренировал терпение, – доносится вслед. – Тебе ещё много чего придется тренировать, чтобы сопротивляться оборотням...

Длинный коридор кажется бесконечным, пока я лечу на выход. Луч фонаря мотается по земляным стенам, деревянным стуком отзываются лежащие доски.

Осенняя ночь радует прохладой и свежим ветерком. В городе не замечаешь огромного пространства над головой, зато в деревне очень хорошо видно раскинувшийся черный купол с поблескивающими вкраплениями ярких точек и крадущимся серебряным диском.

Тётя Маша встречает меня в дверях. На плечах серый плащ, резиновые сапоги, к спине прижимается холщовый рюкзак – она явно приготовилась к походу.

– Быстренько одевайся и пошли. Надень куртку с капю-

шоном, для всех ты ещё в бегах. Ко мне и так сегодня приезжала милиция. Помыкались-поспрашивали, да и уехали ни с чем, но днем кто-то ошивался возле села. Непонятный какой-то, злой. Не смогла почуять, если перевертыш – то очень сильный. Хотя последнего оборотня такой силы уничтожил твой отец, – тетя говорит задумчиво, словно беседует сама с собой.

Я накидываю куртку, по ноздрям бьет чем-то резким, пряным. Не могу удержаться и чихаю, потом пытаюсь утереться рукавом.

– Не смей! Твой запах не должен оставаться на одежде! – дергает за руку тетя.

– Ладно-ладно. А что за оборотни "такой силы"? – спрашиваю я, пока натягивал кроссовки.

– Первые из клана оборотней, они обучали и руководили своими стаями. Первые, старые, древние. После уничтожения самого главного, – на этом месте тетка вновь спотыкается, – твой отец отошел от охоты. Оборотни на время притихли, пока год назад не появился кто-то ещё. Тогда и начали пропадать охотники, кого-то находили разорванным, другие исчезали без следа. Ну, оделся? Пойдем.

– Куда же смотрят власти, если такое творится у них под носом?

– А с чего ты взял, что у власти нет перевертней? Или не ты недавно попал «случайно» в камеру с перевертнем? Замалчивают и всё. Эх, нам бы успеть круг замкнуть, – тетя

поправляет темную косынку.

– Тетя, а что за круг мы идем замыкать? – спрашиваю я возле калитки.

Тетя развязывает хитрый узел на веревке с мешочками. Веревка опоясывает забор по периметру, как меловой круг в гоголевском «Вие».

– Круг защиты. Пока ты не научился защищаться, он куполом закроет нас от проникновения оборотней. Недавно почуяла твой запах, вместе с запахом берендея, но увидела лишь, как проехала разбитая в хлам машина. За рулем сидел берулька, подопечный Иваныча, позже видела, как он отправился обратно. Через полчаса за машиной промчались перевертни. Тогда я поняла, что на тебя началась охота. Приехала в Медвежье, но там меня встретил тот самый заспанный шофер разбитой машины, Федька-берендей. Как раз появился Иваныч с другим учеником, пообещали тебя доставить, я им и назвала этот адрес. На Южу я не смогла бы сделать круг, поэтому и решила отправиться сюда, в село, – тетя распутывает узел.

– Федор больничный халат утопил с моим запахом. Помогли тогда ребята здорово! – мы выходим в черноту улицы.

– Я давно договорилась с Иванычем о подобной «помощи», и, если бы меня не оказалось рядом, то тебя доставили бы сюда. Так и получилось. Взамен я задолжала ему услугу, а это очень плохо – быть должником у оборотня. Никогда не делай этого, – тетя закрывает калитку и завязывает веревку.

– Почему?

– В этом случае оборотень может потребовать у охотника простить ему убийство, и охотник не откажет. Вот почему никогда нельзя так делать. Мы с Иванычем давно знакомы и наши одолжения исключают одно другое. То я ему помогу, то он мне поможет. Про тебя оговорено давно, когда ещё в школу пошел. Я не знала – войдешь ли ты в игру, но на всякий случай сделала оговорку...

Так на меня договор составлен между оборотнем и охотником? Вот это да. Чего я ещё не знаю? Судя по хитрому прищурю теткиных глаз, мне предстояло узнать ещё немало интересных историй.

В некоторых домах всполохами телевизора отсвечивают окна. В селе ловило всего три канала, однако люди собирались перед вечерними новостями, чтобы утром можно было обсудить случившееся в стране и мире. Деревянные дома с небольшими огородами утопают в яблоневых, сливовых или вишневых деревьях, которые почти потеряли рыжую листву. В воздухе витает дымок от печей – ночи становятся холоднее.

У приземистого клуба, под качающимся фонарем, скопилась местная молодежь. Слышатся аккорды гитары, взвизги девчонок, смех парней – эх, мне бы сейчас туда. Мы обходим компанию по широкой дуге, стараясь не показываться на глаза редким прохожим. Негромко переговариваясь, мы выходим далеко за край села.

– Вот тут и остановимся, – тетя сдергивает с плеча рюкзак.

– Что делать нужно? Командуй! – я всем видом показываю готовность помогать. Да и пальцы немного отпустило от боли.

– Буду заговаривать Защитный круг, ты же вбивай иглы в дорогу, – тетя протягивает пучок блеснувших в лунном свете длинных тонких стержней.

Я осматриваю иглы – заостренные с одной стороны, с другой же небольшие утолщения. Больше похожи на гвозди, но иглы так иглы. На протянутом молотке привлекла внимание необычная вязь на рукоятке – древнеславянские руны вырезаны умелой рукой, никогда раньше не видел подобного рисунка. Или нет, я их видел совсем недавно, во сне, на «медных яблочках»...

– Как только кивну, сразу же вбей иглу в дорожку. Поглядывай по сторонам, пока я заговариваю – могу и пропустить что-либо, – тетя рассыпает поперек дороги темный порошок из газетного кулька.

Шум деревьев, качающиеся кроны, закрывающие луну тучи – вот что составляло компанию двум путникам. Знакомое и почти что привычное чувство опасности царит в воздухе. Чей-то ненавидящий взгляд скребет кожу. Хотя я периодически оглядываюсь, но чувство не пропадает. Словно я вновь оказался у черного джипа, и сквозь затемненные окна в меня целится зрачок пистолета.

Запах сырой листвы, будоражащие скрипы сухостоин, да-

легкое брехание собак сопровождают наши действия. Далеко просматривается пустынная дорога – укатанная грейдером полоса земли, кусты по краям, высокие деревья и облачное небо.

Тетя начинает речитативом нашептывать какие-то малопонятные слова, я же останавливаюсь у небольшой лужи, слегка утопив острие иглы в землю. Рукоять молотка удобно располагается в руке.

– Медью кровавой, зверобоем-отравой,
Печатаю жилище свое охотничьей справой.
Жизни люде и разум свой иглой охраняю,
Добро и зло на две стороны разделяю.

На последнем слогe тетя кивает и с одного удара игла уходит в землю, едва успеваю отдернуть пальцы. Легко взвивается облачко просыпанного порошка. Рядом тут же устанавливаю другую иглу.

Воины ратью встанут на мой порог,
Не протиснется сквозь них пыль дорог.
Скроют против оборота дыры и щели.
Крепостною стеной завалят окна и двери...

Кивок – удар, кивок – удар, кивок – удар. С неба начинает капать редкий дождик.

Далеко впереди показывается одинокий пешеход с фонариком. Мужчина идет, слегка пошатываясь, похоже, что возвращается с гулянки из соседней деревни.

– Теть Маш, глянь, кто-то идет! – я застываю с поднятым

МОЛОТКОМ.

– Быстро в кусты, и не высовывайся, чтобы не произошло! – тихо говорит тетя и сует руку в карман.

– Я тебя одну не оставлю!

– Быстро! Я справлюсь сама, не вылезай!

Я боком сползаю в придорожную канаву. Холодная вода тут же заливается в кроссовки. Брр, какая мерзость. Почти слышу, как раздается скрип, когда я шевелю пальцами в мокром носке. Я затаиваюсь, стараясь не дышать. Фигура невысокого худощавого мужчины медленно приближается. Порывы ветра толкают его в спину, отчего мужчина иногда подергивается.

– Зачем ты сюда пришел? Его здесь нет, ваши проверяли! Кто тебя послал? – громко спрашивает тетя, не вынимая руки из кармана.

– Не противься, охотник! Меня послали следить за твоим домом, чтобы сообщить, когда он вернется! – хрипит мужчина.

Он озирается по сторонам, слабый луч фонарика скользит по облетевшим кустам. Я вжимаюсь в землю, ощущая на губах песок, по щеке елозит мокрая трава. В ладонь больно впивается осколок бутылочного стекла, но я боюсь пошевелиться, чтобы не выдать себя.

– Его здесь нет. Так и передай тому, кто послал! Иначе я сама тебя сейчас пошлю!

– Ты обманываешь! Не мешай и проживешь ещё немного!

– Ступай прочь, создание зла! Ты слишком слаб, чтобы тягаться со мной!

– За мной придут другие! Я ощущаю здесь запах молодого охотника!

Нога соскальзывает в небольшую ямку, всплеск воды грохочет выстрелом. Я чертыхаюсь про себя, но поздно, голова мужчины поворачивается в мою сторону, и уголки губ ползут вверх, обнажая острые зубы.

Лицо мужчины вытягивается вперед, в свете упавшего фонаря на бледной коже блестят крупные капли пота, удлиняются волосатые уши. Мужчина вскидывает руки к черному небу, куртка на плечах трещит – по ткани ползут прорехи, показывая ватную подкладку. Руки утолщаются в размерах, кожа темнеет, на глазах вырастает густая шерсть. Треснувшие губы разъезжаются в жутком оскале, и вперед выступают клыки. Судорогой мужчину сгибает пополам, и лопнувшая куртка показывает крупные выпирающие позвонки, обтянутые темной кожей.

Штаны разъезжаются по швам, из сапог вырываются острые когти. Несколько мгновений спустя над тетей возвышается огромный получеловек-полуволок. С мощного тела сползают обрывки одежды. Тетя взирает на превращение спокойно, как на продавщицу, которая отсчитывает в магазине сдачу за покупку.

– Ещё не поздно уйти! Сгинь, нечисть! – повышает голос тетя, поднимая над головой блеснувший в лунном свете

кругляшок.

Оборотень огрызается на нее и прыгает в мою сторону. Я инстинктивно жмурюсь, почти физически ощутив, как шею пронзают клыки.

Уползай, малыш, уползай!

Раздаются два шлепка и следом жалобный скулеж. Я отрываю глаза и слегка высовываюсь над канавой.

Между мной и оборотнем находится тетя. Впервые вижу такую странную стойку, в которой стояла тетя Маша. Втянутая в плечи голова, слегка расставленные ноги, левая рука у подбородка, в откинутой правой покачивается на цепочке восьмиугольная звезда. Звездочка походит на те, какие с ребятами делали в юности, насмотревшись фильмов про ниндзя. Оборотень сидит на задних лапах в трех шагах от тети, широкий язык зализывает глубокую рану на предплечье. Ненавидящие глаза светятся в темноте ярко-красными прожекторами.

– Последний раз прошу – уйди и останешься жив!

– Нет! Он должен умеррреть! – рычит перевертень и молнией бросается к тете.

Тетя Маша, всегда такая добрая и понимающая, дожидается приближения летящего зверя, и на мгновение её фигура вновь смазывается. Лапы оборотня хватают воздух... Если можно на морде собаки заметить недоумение, то именно такое выражение застывает у перевертня.

Неожиданно время замедляет ход, медленно падают кап-

ли, разбиваясь в круглые кляксы, маленькие прозрачные дробинки слегка приподнимаются над поверхностью лужи и растворяются в мириадах себе подобных. Тетя присаживается под пролетающим шерстистым телом. Рука со звездочкой почти ласково проводит по поджарому телу... Танцевальным пируэтом пожилая охотница уходит из-под медленнодвигающегося оборотня. Даже в замедленном времени, она двигается очень быстро. Неудивительно, что я не мог прикоснуться к ней на кухне.

Вдох!

Время возвращается к обычному течению. Приземлившись на четыре лапы, всего в полуметре от меня, оборотень радостно щерится. Мускулистая лапа взлетает для удара.

Я опять инстинктивно зажмуриваюсь, но преодолеваю себя и открываю глаза, устыдившись собственной слабости.

Огорчение и обида появляются на лохматой морде. Когтистые лапы подгибаются, и оборотень тяжело падает. Ощутимо вздрагивает земля, принимая в свои объятия увесистую тушу, взлетают вверх брызги небольшой лужи.

Я вижу два красных огонька перед собой. Горящие ненавистью глаза медленно гаснут, как у робота из фильма «Терминатор». Поднятая лапа бессильно падает, в последний раз проходятся по грязи острые когти.

От черных ноздрей идет рябь по луже – оборотень ещё жив!

От лохматого подбородка до паха протянулась ровная ли-

ния разреза. Из неё вырываются струйки черной крови, виднеются белеющие кости, выползают дымящиеся мотки кишок.

– Саша, теперь выходи! Впредь постарайся вести себя тише! – окрикает тетя.

Стряхнув кровь с краев звезды, женщина нажимает на центр и острия втягиваются в круглую сердцевину. Теперь на цепочке висит обычный медальон. Интересно, у меня такой же? Я украдкой нажимаю на свой, но ничего не происходит. Значит не такой...

Аккуратно огибая тело оборотня, я замечаю, что оно начало съеживаться, уменьшаться в объемах. Втягиваются когти, лицо приобретает вполне человеческие черты. Вскоре на сырой земле, в луже черной крови, остается лежать обычный мужчина. Словно уснул летом на нудистском пляже. Но сейчас далеко не лето, пляжем тут не пахнет. А ужасная рана, в которую вывалились сизые кишки, говорит только о вечном сне.

– Вбей ему иглу в сердце, в лоб и по одной в каждую глазницу. Не кривись, чистюля! Так надо, иначе он восстановится, – тетя протягивает упавший молоток.

Предательски дрожат руки, когда подношу иглы к бледной коже человека. Грудная клетка чуть-чуть приподнимается, кажется, что мужчина загулял и уснул на дороге, если бы не вылезшие на землю внутренности. Меня мутит, выпитый ранее настой подскакивает к горлу.

– Бей! Иначе он это сделает! – глядя на мои колебания, командует тетя.

Ненавижу! Уничтожить!

Под иглой проседает натянутая кожа. Я опускаю молоток. Одна игла есть. Тело оборотня пронзает мелкой дрожью, человеческие глаза умоляюще смотрят на меня, окровавленные губы что-то шепчут. Прислоняю следующую иглу к морщинке на испачканной землей коже лба, туда, где спутанные волосы слиплись в грязный вихор...

– Тетя, Слава с Федей говорили, что есть какой-то настой от укусов. Может, получится вылечить этого бедолагу? – я с надеждой гляжу на тетю.

– Нет, Саша, тебя обманули. Они сами оборотни, какой им ещё настой нужен? От укусов нет спасения. Бей! Он бы тебя не пощадил! – тетин голос срывается на крик.

Игла так же легко пронзает лобную кость, как до этого другая входила в дорогу. Бледное тело выгибается дугой и падает обратно, под рукой мелко дрожит. Я не могу смотреть в молящие глаза, на ощупь приставляю иглы и бью. Молоток по рукоять уходит в мягкую плоть, на блестящей поверхности остается комковатая слизь. Ещё одна игла – ещё один удар.

Я отбрасываю молоток в сторону, и сгибаюсь над дорогой. Рвотные массы вырываются в канаву, смешиваясь с грязью, чужой кровью, дождевой водой.

Сука, как раз в этот момент перед глазами вспыхивает

надпись:

Получено знание:

Окончательное убийство оборотня

Комбинация – ударить заговоренной иглой в сердце, в лоб, в каждый глаз.

– Теперь ты понял, почему я раньше не рассказывала об оборотнях? Грязная, но нужная работа, где если не ты, то тебя... Отволоки его с дороги, чтобы никто из проезжающих не увидел, – тетя дожидается конца моего извержения.

– Жесть. Я даже не догадывался о таком, – шепчу я, тело ещё содрогается от рвотных позывов.

– Тебе многому предстоит научиться, прежде чем сможешь выйти на бой с оборотнями. Оттащи в овраг, и быстрее возвращайся!

Подхватив неудавшегося убийцу за ещё теплые запястья, я оттаскиваю тело в канаву. Мокрая кожа скользит, вырываясь из рук, пар поднимается над распоротым животом. Мертвый оборотень кулем скатывается в ледяную воду. Вода раздается в стороны, бледное тело наполовину скрывается под черной грязью.

– Продолжаем круг, следи за кивками! – тетя возвращается к речитативу.

Вытерев молоток пучком прелой травы, я готов загонять иглы в дорогу. Дождик усиливается, на луже всплывают большие пузыри. Видимость почти нулевая, помогает фонарик оборотня.

Вся работа занимает полчаса. Тетя удовлетворенно выпрямляется над последней кучкой порошка и подмигивает.

– Ну что, Саша, круг замкнули, пойдем теперь оборотня хоронить, не след ему в канаве прохлаждаться. Найдут ребятишки, потом успокаивай их, да и милиции опять наедет куча – ни к чему это нам. Пока ночь темна нас никто не увидит! – тетя светит фонарем в сторону канавы.

Мокрые волосы на моей голове сами собой зашевелились – в канаве не оказалось трупа.

Оглядываюсь на тетю, та, вечно спокойная и уверенная, озирается по сторонам. Непокколебимо стоявшая перед оборотнем, сейчас тетя Маша походит на школьницу, которая идет по темному парку.

– Никто так тихо не может... Немедленно уходим! Молчи и старайся ступать тише. Держись за плечо, – тетя выключает фонарик, и тьма прячет нас под черным покрывалом.

Я держусь за мокрую ткань плаща, спотыкаюсь, почти ничего не видя перед собой. Спину прожигает знакомый враждебный взгляд. Тетино плечо вздрагивает, когда раздается собачий лай, или трещит ветка под ногами. Я обращаю внимание, что морщинистые руки подрагивают при завязывании веревки на заборе.

– Саша, я не услышала, кто забрал тело! – говорит тетя, снимая в сенцах сапоги.

– Может шум дождя, или мое буханье отвлекли внимание?

– Нет, тут другое. Я ещё не встречала такого человека или оборотня, который мог бесшумно пройти мимо меня. Мы столкнулись с опасным противником, тебе нужно быстрее обучиться охотничьему ремеслу. На ближайшую зиму подвальная комната будет твоим местом обитания. И не возражай! – тетя поднимает суховатую ладонь, видя, что я набираю в грудь воздух.

– Хорошо, но можно тогда с собой хотя бы горшок взять? А то я до весны вряд ли вытерплю, – хочется как-то приободрить испуганную старушку.

– Это можно, – грустно улыбается она. – Выходить будешь по ночам. Я постараюсь пока быть на виду, чтобы отвести подозрения. Для всех ты в бегах, а я изображу безутешную тетушку, которая воспитала такого разгильдяя.

Люк в подвал распахивается, и тетя сует в руки ночной горшок с крышкой. Стук закрытой дверцы возвещает о начале новой веселой жизни.

Сырой и холодный коридор, тишина и лишь мое дыхание. До самой двери в раздумьях – встретит меня кто-нибудь или дойду спокойно? Всё обходится, и я вновь нахожусь в комнате под землей.

Вот и знакомая кадушка с песком. Глядя на чучело оборотня, методично втыкаю пальцы в спрессованные слои. Не обращая внимания на боль, смотрю в красные глаза. Фаланги входят глубже, то ли разрыхлил почву, то ли в задумчивости отстранился и забыл, что передо мной песок. Гудящая

тишина перебивается хеканьем и стуком о поверхность песка. Я думаю...

Мертвый оборотень непонятно как испарился, всегда уверенная в себе тетя не на шутку перепугалась. Мда, делишки. Но это, оказывается, были только цветочки...

Тренировка

Все же правду гласит ответ старой загадки «Что мягче всего на свете?» Подложил под голову правую руку и забылся тревожной дремотой. Красота!

Выныривая и проваливаясь в сон, находясь на грани сознания, я слушаю – не раздастся ли звук в коридоре, не откроется ли дверь. Не протянется ли по земле протяжный волчий вой...

Беспокойный сон сменяет дремоту, снится серый перевертень с белым пятном на лбу. И отчаянное чувство бессилия, когда ты хочешь, но не можешь убежать, ноги как приклеенные. Ты знаешь, что можешь увернуться и отпрыгнуть, но тело не слушается. Остается беспомощно смотреть, как приближается враг, а в душу заползает леденящий ужас. И в последний миг просыпаешься в холодном поту, несколько минут пытаешься унять бешено бьющееся сердце и ошарашено озираешься по сторонам.

Я просыпаюсь от прикосновения холодной ладошки. Вскакиваю на ноги, готовый биться или удирать, ещё находясь в плену кошмара. На меня смотрит тетя, одетая в свободные зеленые штаны, серую рубашку опоясывает широкий пояс, из-за бляхи выглядывают медные головки игл.

– Чу-чу-чу, спокойней, Саша! Понимаю, что много пережил. Привыкнешь, хотя от снов никуда не денешься. Во снах

приходят воспоминания других людей, проживаются целые жизни. Может быть, и мы кому-нибудь снятся.

– Теть Маш, мне последнее время приходят какие-то странные сны. То родители, то в танке бьемся... Вон Давыдов недавно показался. И везде присутствовали перевертни, нигде не видел берендея. Может люди меньше сталкивались с ними? – я слегка расслабляюсь, остатки сна уходят прочь.

– То память людей, которые справились с оборотнями, придет время, и берендеев увидишь. Запоминай то, что снится – когда-нибудь может пригодиться. Боги не зря эти воспоминания отправляют. Мне поначалу тоже разные кошмары снились, пока не научилась с ними справляться, – тетя потягивается, разминая мышцы. – Покажи, как поладил с кадушкой? Или весь день провалялся на скамье?

– Да как ты могла такое подумать? На секунду прикрыл глаза, а ты уже по лбу постучала! Смотри, если не веришь! – я с размаху втыкаю саднящие пальцы в надоевший песок.

Песок нехотя раздается и скрывает покрасневшие суставы. Пальцы полностью уходят в твердые слои, я радостно улыбаюсь.

– Что ж, прогресс есть, а попробуй выдернуть! Учти, песок не должен высыпаться, иначе упражнение не будет полностью законченным, – тетя удовлетворенно цокает языком.

Целая пригоршня вылетает следом за ладонью. Кучки песка насыпаны по бокам кадушки с внешней стороны.

Ну да, вы сами попробуйте, а потом будете цокать язы-

ком!

– Да, с этим пока проблемы. Тебе нужно обучаться как можно быстрее. Поднимайся, будем отрабатывать удар рукой, – тетя встает в свою странную стойку. – Представь, что по твоему телу прокатываются шары. Круглые упругие мячи. Каждый шар свободно перемещается, но при ударе он должен оказаться в точке выхода силы. Пока трудно понять, но повторяй за мной. Если что – поправлю.

Я тоже поднимаюсь в стойку, сжимаю саднящие пальцы в кулаки. Сухонькая тетя плавно обозначает удар, остановив руку у моей груди. Расслабленная кисть за миллисекунду до остановки переходит в жилистый кулачок. Упругая струя воздуха щекочет кожу.

Я инстинктивно свожу руки вместе, пытаюсь заблокировать удар, но предплечья натываются на металлическую трубу, а не на человеческую руку.

– Говорила же, что ты зря используешь жесткую блокировку, калечишь свои руки, пускаешь по телу разрушающую вибрацию. Делать нужно мягко, уходи с линии атаки и проваливай противника. Оборотни заведомо сильнее, так зачем же тягаться с ними на равных? Тем более, достаточно такого расстояния, чтобы тебя уничтожить, – тетя кивает на свой кулачок, тот неизбежно висит в двух сантиметрах от моей груди.

– Да ладно, что можно сделать на таком маленьком расстоянии? Ни размахнуться, ни ударить как следует, – я не

верю и напрасно. Плата за недоверие наступает тут же.

Тетя поднимает уголки губ, и следует сильный удар. Меня отшвыривает на пару метров, воздух с свистом проносится в ушах. Локоть остро пробивает разрядом тока, когда ударяюсь о стену. Я выпрямляюсь, потирая покрасневшее место на груди.

Ничего себе!

Тетя не сдвигается с места, рука держится на прежнем уровне, лишь выпрямились основные фаланги. Кулак перешел в состояние лапы, с прижатыми, как у паралитика, морщинистыми пальцами, удлинился на пять сантиметров.

От этого меня отбросило?

– Теть Маш, ты Брюсу Ли удары не ставила? А то похожее в каком-то фильме видел, – грудь полыхает огнем, словно на мышцы положили горящую головню. Дышится с трудом. И это моя тетя, которая и мухи не обидит...

– Нет, он с другими охотниками занимался. Отведи плечи назад, левой рукой тянись вверх, а правой вниз, так быстрее пройдет. Сможешь повторить удар, или ещё раз показать? – тетя проводит ладонью по серой поверхности самой крупной груши.

Я отталкиваюсь от холодной стены, чучела насмешливо плятятся на мою стойку.

– Помни, что шар поднимается от ноги и подлетает к кулаку в последнее мгновение. Ноги поставь чуть шире, для большей устойчивости, руку ближе к подбородку. Старайся

завершать бой одним ударом, сильным, хлестким, резким. Чуть повыше. Пробуй ещё! Ещё! Сделай медленно, кисть прямая. Вот так закрепи и тренируй этот удар сегодня, – тетя подходит к двери.

– Теть Маш, а что у тебя за звездочка такая при оборотне появилась? – медленно провожу удар, обозначив по груше.

– Так у тебя такой же медальон на шее висит, неужели не знал? Постарайся не пораниться, если найдешь, как открыть, – тетя нажимает на свой медальон, из него с легким шелестом выскальзывают желто-бордовые лучи.

Затем так же легко убираются обратно. «Солнышко» расправило лучи, «солнышко» спрятало лучи.

– Здорово! А я и не знал о таком, – я верчу в руках ставший привычным медный кругляш с арбалетиком.

– Ладно, занимайся. Свежий настой поставила в углу. Так, груши здесь, на чучелах можешь потренировать уколы по уязвимым точкам. Учти, что у оборотней точки находятся за огромным мышечным корсетом, удары должны проходить сквозь него, чтобы достигать цели. Я пойду, а то заладил ко мне участковый лазить.

– Теть Маш, а чего мы прячемся? Если ты так спокойно наkostenяла оборотню, то может нечего и скрываться? Наберем побольше игл, да и устроим большую охоту! Отомстим за родителей! – я шлепаю чучело перевертня по носу медальоном.

– Саш, тренируйся! Тот оборотень всего лишь недавно

укушенный, поэтому так легко удалось его уничтожить. Вот лет через десять с ним гораздо труднее было бы справиться. Опытного оборотня так просто не возьмешь – ещё набегашься за ним. А у этого мужичка даже укуса не зарос, видел свежие шрамы на шее? Но вот куда он потом делся? – тетя в задумчивости пощипывает кончик носа. – Занимайся, Саш, хотя кровь тебе поможет, но без тренировок никак нельзя.

– Отца ты тоже по крови вычислила? – так не хочется опять оставаться в обществе молчаливых чучел.

– Да, его и Александра. Но все, я ушла! Кто-то приближается к калитке. До вечера.

Тетя легко уносится прочь, и вновь я остаюсь один. Верчу в руках медальон, нажимаю и так, и сяк. Провожу то в одной, то в другой последовательности, но острые края так и не выскакивают наружу. Со вздохом надеваю обратно, приятный холодок ложится на грудь. Моё «солнышко» не хочет доставать лучи.

Потянулись выматывающие дни тренировок. Пробуждение происходило так – в меня летел какой-нибудь тяжелый предмет, тетя не выбирала, чем именно запустить. И если поначалу ходил с синяками и шишками, то теперь научился слышать, как при открывающейся двери меняется звук гудения электрического тока. Ловил на лету или банку с соленьями, или табуретку с утюгом. До этого встречал предметы головой или грудью под веселые смешки тети.

Один раз высказался по поводу её издевательств, накипе-

ло. Тогда тетя Маша вызвала меня на спарринг и так качественно отметелила, что пропало все желание острить в ответ.

– Уважение к старшим, Саша, это основополагающее направление для развития любого общества. Передавая свой опыт, старшие продлевают себя в молодежи. А юнцы должны слушать и внимать, чтобы совершить меньше ошибок и передать больше опыта последующим поколениям. Знаешь поговорку «Бьет, значит любит»? Она выдает отношение опытных воинов к новичкам. Если воин колотит на тренировке, то отрок должен запомнить удары, найти увороты от них, чтобы не погибнуть в первой же битве. На никчемшей не обращали внимания, и те уходили служить на кухню или в конюшни. Так что поправляйся, на сегодня урок закончен, – втолковывает тетя негромким голосом, когда я без сил падаю на лавку.

Хорошо, что синяки и ссадины уходят на другой день, после крепкого сна. Я ныряю в объятия Морфея, едва коснувшись лавки, а просыпаюсь, подхватывая на лету громоздкий предмет. Засыпаю в ранах, просыпаюсь здоровым. Регенерация, чтоб её...

Регенерация у меня прокачивается на отлично. Раны заживают после короткого сна. Вот со скоростью и ловкостью проблемы, но тетя и их тоже упорно прокачивает. Я напоминаю себе какого-то игрового персонажа, которого упорно качают к битве с финальным боссом. Вот только что там бу-

дет за финальный босс?

Когда засыпаю, то иногда вижу перед собой дорогие карие глаза. Думаю о Юле, о ней одной. Как она там? На второй план уходят мысли об оборотнях и ужасах смерти. Вижу, как она мне улыбается. А я гуляю с ней по улочкам Шуи, обнимаю за талию, шучу и наслаждаюсь колокольчиковым смехом. Я тону в омутах её глаз. Я мечтаю ещё раз увидеть её...

Последнее время количество света уменьшается, тетя меняет лампы на более тусклые. Глаза понемногу привыкают, даже ночные выходы не кажутся такими уж темными. Тетя Маша объясняет это тем, что нужно наращивать ночное зрение, так как оборотни чаще всего охотятся ночью. По ночам я гуляю по поднятым над землей бревнам, и с каждым разом жерди становятся тоньше. Падаю, поднимаюсь и снова иду, учусь на ошибках.

Комнатка под землей обогревается за счет проложенных труб. Газовый нагреватель горит у тети в избе. За провинности или недостаточно быстрое выполнение указаний – напор газа уменьшается, и я просыпаюсь от дробного стука зубов. В таких случаях приходится вставать и двигаться, чтобы не окоченеть.

– Мы же не в Африке живем, тетя Маш! Зачем тепло убираешь? Вот явишься как-нибудь, а тут на тебя четыре манекена пялятся. Вот тогда поймешь, вот тогда заплачешь, а уже поздно будет! – без особой надежды на жалость выговариваю я после очередного «холодного» наказания.

– Ничего страшного, Саш. Вон мамонты как сохранились в мерзлоте, и ты останешься вечно молодым и красивым. А спустя тысячу лет по тебе будут изучать историю нашего края, всё же польза!

Я научился двигаться по осиновому бревну, установленному в метре над землей, когда тонкая кора слетала со скользкого ствола, а тетя коварно била по ногам палкой. Нужно подпрыгнуть, чтобы палка пронеслась подо мной, иначе встреча пятой точки с землей была неминуема.

Прокачка ловкости, скорости, равновесия... Раньше я о таком мог только мечтать.

Так развлекался и чувствовал свою крутость, пока однажды ночью тетя не предложила прогуляться по заборам. Я согласился, кошки же лазят, а я чем хуже? Пару раз сверзил-ся с подгнивших балок, пришлось улепетывать от соседского Тузика, но, в конце концов, научился ходить бесшумно.

Трудно? Дело привычки.

Выпал первый снег...

Я стал настолько ловок, что могу пройти над будкой и вытащить кость из-под носа спящего пса. Один раз хотел оставить её на память, как медаль, но вид худого шибздика, который не знает, каким жестоким может быть пробуждение, заставил вернуться и положить кость обратно.

Тетя радовалась моим успехам, но виду не подавала, нагружала физически и морально все больше. Тётка уговорила соседа пустить по забору колючую проволоку, а мне сказать

об этом «забыла». Попросила принести собачью кость в очередной раз. Вот когда я подумал о ней много «хорошего» – мой взгляд пылал красноречивее тысячи слов, а изрезанные руки и лодыжки подтверждали произнесенное.

Однако косточку Тузика принес, бросил к ногам мучительницы и собирался горделиво удалиться в собственную келью, чтобы повить и пострадать вволю, но вместо этого получил нехилый пендель и указание отнести кость обратно. В душе погрозив тете Маше кулаком, проделал и это, хотя руки и ноги дрожали от напряжения.

Собака не проснулась, пока тихо клал мозговую косточку в миску, но тут же подняла визг и лай, когда я рухнул с забора, поскользнувшись на мандариновой корке. Только что прошел по черно-белой балке и никакой кожуры не наблюдалось.

Откуда шкурка там взялась?

Я тогда лежал и смотрел в черные зрачки надрывающегося пса. Изрезанные руки горели огнем, ледяными иголочками остужал мягкий снег. Черные глаза-бусинки мелькали в метре от меня.

«Замолчи! Враг близко!» – я постарался передать песику свои мысли. Сам не знаю – почему такое пришло в голову.

– Гав! – неуверенно ответил Тузик и замолчал.

«Тихо, волки рядом!» – песик даже жалобно заскулил.

Животные не выдерживают человеческого взгляда, но дворняга не отрывала от меня глаз. Улыбнулся псу – он едва

слышно зарычал, и я тут же спрятал зубы. Тузик наклонял голову то влево, то вправо, то одно ухо поднимал, то другое. Пёс явно находился в недоумении.

«Я тебе не враг! Я смогу тебя защитить от волков!» – я смотрел ему в глаза и протянул руку между досками забора.

Сперва негромко порычал, но потом пес обнюхал руку и ткнулся влажным носом в ладонь. Мои пальцы прошлись по мокрой шерсти, Тузик тихо рычал, я ощупал напрягшиеся мышцы.

Хотел ещё раз погладить и закрепить дружеский контакт, когда Тузику в нос прилетела ярко-желтая мандариновая корка. Пса моментально подменили, я еле успел отдернуть руку от укуса. Звонкий лай подхватили другие сельские собаки.

– Вот теперь урок закончен, можно и домой пойти, – тетя кинула в рот ломтик мандарина.

Половинка сочного плода полетела в мою сторону. Я поймал её в воздухе.

– Ох, тетя Маша, коварная же ты женщина! – я вздохнул как можно тяжелее и горше.

– Кстати, у меня ещё осталась «колючка», завтра будем прыжки изучать. После баланса, конечно! Но ты молодец, смог слегка повлиять на животное. Делаешь успехи, я-то думала по весне заняться одурманиванием и Зовом. Шуруй в дом, да скидывай вещи, пусть сохнут! – тетя одобряюще пошлепала по спине.

Тренировки, сон, тренировки, сон. Перемежались едой и туалетом. Через каждые три дня жаркая баня. И снова тренировки, сон, тренировки, сон. В сильный ветер, в лютый мороз, в обильный снегопад – наши тренировки продолжались, несмотря на погоду.

К тете периодически заглядывал участковый, но ничего не находил. Сидели, чаевничали, болтали о том, о сем. Приезжали милиционеры, она сама ездила в Южу, когда вызывали на допрос. И вновь – тренировки, тренировки, тренировки...

Я находился в круге Защиты. Иногда, забывшись, наткался на невидимую преграду. Люди и тетя Маша спокойно проходили сквозь эту стену, а я находился в добровольном заточении-убежище.

– Как так? Тетя Маша, или на тебя не влияет заговор? Почему ты спокойно можешь пройти, а я бьюсь лбом? – в очередной раз ударился о невидимую стену и посмотрел, как тетя пролетает дальше.

– Я не только от оборотней сделала заговор, но и на тебя поставила ограду. Зная тебя, непоседу, можно было бы ещё и наручи наговорить, чтобы ноги и руки сковать – но тогда не сможешь тренироваться. Пока не научишься обороняться от оборотней, будешь сидеть как в детском вольере! – тетя улыбнулась своей шутке.

Я огорченно вздохнул, окончательно рухнула надежда на тихий побег. Хорошо ещё, что приехал Евгений. Он встретился с тетей в Палехе, назначили время и, по всем законам

разведчиков и шпионов, пробрались до нашего дома. Для всех же Евгений ночевал у знакомого, а для самого знакомого – у одной замужней дамы, не желающей разговоров.

Под еле слышный треск свечи мы пьем на кухне горячий чай. Я как раз снова провинился и успел замерзнуть, поэтому Евгений оказывается очень кстати. Окна задернуты тяжелыми шторами, но свет все равно не включается. Тетка сказала о неполадках в электропроводке.

– Сань, не поверишь – сам до сих пор в шоке! Защищаю я, значит, наше доброе имя от поползновений неприятельских, стараюсь, чтобы не повалили в грязь, смотрю, а ты с каким-то парнем на земле обнимаешься, – Евгений укоризненно покачивает головой. Он рассказывает, что произошло в тот злополучный вечер.

На память приходят простынки с красными пятнами...

– Да не обнимался я! Он со спины зашел! – я хочу объяснить, но останавливаюсь, чувствуя подначку.

– Уволь меня от подробностей вашего интима! Ай! Не бей! Пошутил же! – Евгений успевает заслониться от моего неспешного замаха. – А если серьезно, то я услышал твой крик! Увернулся от Жилы, и тот воткнул нож в бок моему.

– Я этого не видел, – вставляю я, пока Евгений отхлебывает чай.

– Пока порезанный схватился за бочину, а остальные застыли, я успел заметить, как ты ласточкой упорхнул в кусты. Я отскочил от ребят, чтобы дух перевести и чуть не оглох,

когда заорал братишка Жилы. Все обернулись, а его черная псина за горло треплет. Здоровенная такая, больше теленка, ещё и лапищами так с боков сдавила, что хруст пошел. Может, мне с испуга привиделось, но пальцы у нее длиннее наших в два раза, – Евгений показывает ладонями жест рыбаков, когда те хвастаются размерами пойманной рыбы.

Словно я не знаю. Если бы Евгению показать мою келью, то он бы узнал много интересного...

– Показалось, наверно. А что было дальше? – я понимающе киваю.

– Не, Сань, ты прикинь – эти отморозки бросились отбивать пацана, а псина откинула в сторону порванного и сказала человеческим голосом: «Кранты тебе, Жила!» – Евгений говорит все тише, а на последней фразе рявкает так, что подскакивают чашки на столе.

Мы с тетей сочувствующе смотрим на него – нашел, кого пугать. Евгений же, не добившись ожидаемого эффекта, шмыгает носом, цапает конфету со стола и начинает её разворачивать, будто ничего не случилось. Да уж, прошли те времена, когда можно было вздрогнуть от резкого вскрика.

– Будешь орать, отправишься домой! – спокойным голосом предупреждает тетя.

– Скучно с вами, непробивные вы какие-то. А вот другие пугались, особенно девчонки, – жалуется Евгений.

– Ты дальше рассказывай, а девчонкам потом будешь заливать, – поглядываю я на друга, и незаметно от тети ворую

булочку со стола. Я думаю, что незаметно...

– Да что рассказывать-то? Всё это я уже говорил не один раз, но мне не верят. Та псина накинулась на ребят, а меня словно током ударило, и я взлетел на дерево. Представляешь – за несколько секунд полегли все отморозки. За несколько секунд! Потом эта животиная уставилась на меня. Брр. До сих пор мороз по коже, как вспомню эти красные огоньки! – Евгений и в самом деле ежится, будто представляет глаза оборотня. – А когда она прыгнула ко мне, то зажмурился. Думал – всё! Кирдык пришел откуда и не ждали. А потом слышу – рычание, визги, пiski!

– Прости, не расслышал – чьи визги? Какой пiski? – у меня вырывается нервный смешок.

Тетя цокает языком, и я понимаю, что ещё один день буду согреваться о грушу, не нужно было пошлить так явно. Она склоняет голову к плечу, глядя на меня, и мне приходится положить булочку на место.

– Эх, посмотрел бы я, как ты на дереве пошутил, вот мне было не до смеха. Глаза открываю, а внизу дерутся два пса... или волка, фиг их разберет. Откуда-то ещё один взялся, серого окраса. Вроде как белое пятно у него во лбу заметил. А может, показалось, – Евгений чешет затылок и продолжает. – Сцепились между собой не на жизнь, а на смерть, но потом завыла сирена, и черная псина помчалась прочь, а серая за ней...

Наряд вызвал кутивший на крыльце лейтенант, после то-

го как увидел, что в чашу прошло слишком много народа. У милиционеров фуражки дыбом встали, когда увидели, что произошло на поляне. Одного вырвало, другие же выхватили пистолеты и кинулись прочесывать кусты. Слабого желудком послали вызывать подмогу и «Скорую помощь». Евгения же чуть не застрелили, когда подал голос и выказал желание слезть на землю. Потом увидел меня, переломанного и окровавленного...

Милиция двое суток продержала друга взаперти, пыталась докопаться до истины. Евгения не отпускали, пока не появился тот мужичок в сером плаще, что шел возле моих носилок. В этот раз следователь сверкал одним глазом, на другом же чернела пиратская повязка. Голубев велел выпустить Евгения на волю, под подписку о невыезде. Дядька-майор подсуетился для любимого племянника.

Когда же Евгений зашел навестить меня в больницу, «даже апельсинов купил, с тонкой кожурой», то с удивлением узнал, что я сбежал. Мало того, что просто сбежал, так ещё покусал трех здоровенных санитаров, убил милиционера и полную докторшу. Говорили, что и таксиста порвал на Белова, но тут возникли показания водителя фуры, влетевшего в уличное ограждение. Он видел, как пробежали огромные собаки, а одну даже зацепил.

Также на собак жаловался дедок, что влетел в кювет от прыгнувшего сверху пса. Хотя ему не особенно верят, думают – сам перевернулся на крышу и захотел получить стра-

ховку. Больница гудела как встревоженный улей. Трое выживших отморозков оказались с отключенными аппаратами жизнеобеспечения, одного успели откачать, а вот двоим не повезло.

Когда, ошарашенный такими новостями, Евгений вышел на улицу, то к нему подошел огромный мужчина. Представился Михаилом Ивановичем, моим соседом по палате. Познакомились, он и рассказал, что произошло на самом деле. Как меня увезла ивановская милиция, а шуйская осталась ни с чем, на этой почве и возник конфликт между органами охранопорядка. Так как честь мундира пачкать нельзя, то и придумали историю про жестокий побег Александра.

Также Иваныч сказал, что мне необходимо помочь и вытащить из объятий милицейского беспредела. Для этого нужно быть в Кохме в определенное время, в определенном месте, отцовская буханка пригодилась очень кстати.

После посещения Мугреево, Евгения часто вызывали на допрос, касательно моего очередного побега, но друг честно отвечал, что в этот день ходил за грибами, и продемонстрировал фото с двумя полными бельевыми корзинами, где в правом нижнем углу желтым сияла дата моего побега. При этих словах улыбка тети Маши освещала наш стол – мол, как она здорово придумала с грибами и Иванычем.

Тетя строго-настрого запретила говорить при Евгении о существовании оборотней, меньше знает – крепче спит. Так и приходилось отвечать на неудобные вопросы, что-то при-

думывать на ходу, или же заедать плюшкой, лихорадочно подбирая нейтральный ответ.

Я спрашивал не только о новостях, но и поинтересовался учебкой Юли. Что делает, да как выглядит? Попросил сфотографировать издалека. Тетя при подобных вопросах сделала вид, что ей не интересно и ушла в комнату. Хотя я-то знал, что для нее слышно всё так, словно мы сидим рядом на кровати.

Спросил и ждал с внутренним замиранием – вот сейчас Евгений нанесет удар, и расскажет о Юлином парне, или что девушка выходит замуж. Сердце расправилось из маленького комочка и начало биться активнее, когда узнал, что Юля все ещё одна, не отвечает на заигрывания старших студентов, ходит в основном грустная.

Иногда появляется с синяками, что выглядывают из-под слоя косметики, или не показывается на парах по несколько дней. Каждый день, после занятий, её забирает милицеевская машина. Когда я услышал про машину, то сами собой сжались кулаки, желваки на щеках пустились в пляс. Евгений сочувственно покачал головой – подумал, что я много натерпелся от милиции.

Я думал, как с Евгением передать весточку Юле, даже попытался написать письмо, но тетя Маша жестко пресекла подобную попытку, объяснив, что о моем существовании и так знает много людей. А если буду упорствовать, то и вовсе перестанет приводить Евгения. Что ж, я согласился с тетей, она

же опытнее и сильнее, но не отказался от мысли передать весточку.

Из техникума меня заочно исключили, дирекция не хотела связываться с уголовником. Хотя Евгений и пытался доказать мою невиновность, но что слово студента весит против слов милиции? В итоге другу посоветовали прекратить нарываться, иначе последует за мной. Я тоже прошу друга не выступать. Пока ещё жив тот напавший отморозок, хоть он и в коме, теплится надежда на мое оправдание.

Душевно распрощались с Евгением, тот подбодрил меня, мол, все будет хорошо. Я пообещал держать хвост пистолетом, на что Евгений поклялся приехать ещё раз, после Нового года, с новостями и подарками. Дед Мороз шуйского разлива!

Амнистия

Наступило тридцать первое декабря. Отзвучали редкие салюты. Под пожелания президента мы проводили ядреным квасом прошедший год.

Тетя перестала кидать банки и табуреты, в дело идут ножи и вилки, в основном метит по ногам. Так же бесшумно открывается дверь, и затхлый воздух рассекает летящий предмет. После будящих вспышек боли, я научился уклоняться или отбивать острые лезвия и заточенные зубцы.

В начале февраля у меня получилось противостоять в спарринге тете.

Когда исчезла из поля зрения, то я успел предугадать, где она появится в следующий миг.

– Наконец-то! – выдыхаю я, коснувшись рулончика бигуди.

– Саша, что-то я зазевалась. Ой, ладно! Не ухмыляйся! Молодец, что коснулся! Пора перестать гоняться за черепахой и попробовать опередить зайца! – улыбается тетя, поднимая с пола упавший рулончик.

Тетя показывает, как вызывать замедление, как протягивать дыхание, как ускорять сердцебиение. И мы сражаемся почти на равных, но я всё равно оказываюсь на полу. Тетя улыбается, но по вздымающейся груди видно, что валять меня не так уж просто, как в первый раз – слегка запыхалась,

раскраснелась как после бани.

Она кивает на выход, молнией пролетает по коридору, и выскакивает наверх, перемахивая через три, а то и четыре ступеньки. Я следую за ней, попробую также взлетать, но на второй попытке прикладываюсь лбом о деревянный выступ и выхожу обычным шагом.

Тетя Маша одевается для выхода на улицу, в окно заинтересованно заглядывает полная луна. Глаза настолько привыкли к темноте моей комнаты, что в лунном свете окружающее пространство выглядит так же, как и при ярком солнечном свете.

Я быстро намазываюсь мазью, перебивающей запах, и тоже одеваюсь в легкий спортивный костюм. Ночь встречает морозным потрескиванием, искорками блестевшего снега и холодным сухим ветром. Несколько вдохов, разогревающих тело, и мороз перестает ощущаться.

Тетя Маша жестом приказывает следовать за ней. С места перемахивает три метра до забора, и по жерди устремляется в сторону леса. Пробежала словно по твердой земле за уезжающим автобусом, так же уверенно и прямо. Я стараюсь повторить её прыжок, но немного не долетаю до забора и проваливаюсь по колено в наметенный сугроб.

Пока забрался на поперечину – тети и след простыл.

Аккуратно переставляя ноги по посеребренной морозом балке, я дохожу до края забора. Тети нигде не видно. Как волосы на ноге великана, под забором торчат голые прутья

малинника. Несколько сморщенных ягодок стойко противостоят ветрам и морозам, висят бордовыми сережками на черных прутьях. По жесткой корке наста тихо струится поземка, нарощие сугробы похожи на буруны с картин Айвазовского. Не хватает смелого кораблика, летящего между ними и мечущихся чаек.

Поэтические изыски прерывает появление тети. Отстранившись от ствола высокой березы, она манит за собой. Я иду к ней, но ноги проваливаются сквозь твердую корку. Два раза тело погружается по пояс в сыпучую массу, пока я добираюсь до березы.

– Эх, Саша, оглянись назад – прошел, будто ребенок специально долбил наст! Поступь должна быть легкой и невесомой, для этого центр тяжести переносится ближе к горлу, – тетя начинает танцевать по заснеженной площадке. Как пушинка проносится над белыми барханами, сколько ни смотрел – ни следа прохождения по природной простыне не обнаружил.

– Тетя Маша, круто! Научишь, как это делать?

– Конечно, научу, но тут надо мозгами поработать, а не только телом. Представь себя перышком, что невесомо струится в потоке воздуха. Пухом от неоперившегося цыпленка в пыльном завороте ветерка. Самым легким дуновением на лобик ребенка. Вот с такими мыслями и смещенным центром тяжести попробуй пройтись, – тетя Маша кивает на свой танцпол.

Я выдыхаю, закрываю глаза, мысленно поднимаю центр тяжести до уровня лба, представляю свое тело в невесомости, и пробую протянуть тело за скользящими ногами.

Перышко! Пушинка! Ветерок!

Хрясь!

Увы, не получилось – тело проваливается по пояс, да ещё и ртом зачерпываю порядочную пригоршню снега. Пока вылезая, да отплевываюсь, тетя вальсирует по снежному покрову, подобно королеве на балу, даже мурлыкает под нос что-то вроде «Вальса цветов» Чайковского. Я замираю, глядя на нее.

– Видишь, Саш, как это легко? Повторяй за мной, раз шажочек, два шажочек. Как в детстве, – тетя Маша с улыбкой берет за руку.

– А если я упаду и заплачу? – первый же шаг оказывается провальным.

Рыхлый снег встречает радостным скрипом, под колено бьет жесткая корка. В лесу каркает невидимый ворон. Словно смеется над недотепой...

– Не упадешь, ведь я тебя поддерживаю, а если навернешься, то тогда и заплачешь, – тетя крепко сжимает руку. – Сосредоточься, тебе никто не мешает.

Я сосредотачиваюсь на том, что рука тети забирает весь вес, и мое тело становится невесомым. Делаю шаг. Наст не ломается! Делаю другой, третий. Стараюсь дышать через раз, чтобы неосторожным дыханием не прожечь тонкую снежную

ткань.

– А ты боялся, оглянись назад! – тетя отпускает руку и отскакивает на пару метров в сторону.

Оставшись без опоры, я покачиваюсь на месте, наст угрожающе проседает под ногами. Представляю руку тети, забирающую вес, и проседание останавливается. Стараюсь не делать резких движений и разворачиваюсь на месте. На белом снегу отпечатываются неглубокие следы. Мои.

– Закрепи этот успех, в дальнейшем ты должен бегать с платком по любой поверхности быстро и абсолютно бесшумно. Тренируйся, а я пойду прилягу, что-то тяжело на груди, – улыбнувшись напоследок своей мягкой улыбкой, тетя уносится в сторону дома.

Ни один прут малинника не шелохнулся, когда тётя проплыла над ними и приземлилась на забор. Я же аккуратно ступаю, не даю мыслям отвлекаться на посторонние предметы.

Хруст раздается за забором резко, неожиданно. Оборачиваюсь на шум падения. Тетя, не пройдя половины, сорвалась с забора и почти полностью зарылась в холодный снег. Глухо тьякает во сне соседский Тузик.

– Теть Маш, а ещё меня учила легкой походке. Ай-яй-яй, – шепотом говорю так, чтобы донеслось до лежащего тела.

Но из образовавшейся ямки нет никакого ответа. Тетя не шевелится...

Я тут же проваливаюсь в хрустящий снег и, как летящий

по лесу лось, бегу к упавшей женщине. Голосит пробудившийся пес, ещё несколько собак отзываются по селу. Метеором пролетев по скользкой балясине, я спрыгиваю возле лежащего тела. Поднимаю на руки. Какой же легкий у тети вес.

– Теть Маш, очнись! Тетя Маша! – я смахиваю снег с морщинистого лица и осторожно похлопываю по щекам.

Прыгающий пес истошно лает по другую сторону забора, но под моим взглядом тут же стихает и понуро убирается в конуру, недовольно урча на ходу.

Утопаю почти по пояс в наметённых сугробах, но иду к дому, неся потерявшую сознание тетю. Кое-как открываю заиндевелую дверь, и пары холода врываются в протопленное помещение.

Кладу на кровать легкую тетю. На лоскутном одеяле медленно тает смахнутый снежок. Черты тетиного лица слегка заострились, но пульс прощупывается. Шлепаю по щекам, и голова безвольно мотается, как у мертвого оборотня, которого я тащил к оврагу. Ужас от происходящего расширяется внутри, на глазах выступает горячая влага.

Я мечусь по тёмной комнате, в комодe нет никаких лекарств, лишь аккуратно сложенное бельё. Ни нашатыря, ни вьетнамской «Звездочки», нет даже обыкновенного анальгина. Необходимо бежать за врачом, даже раскрывая себя, выходя из партизанства – жизнь тети важнее.

Устремляюсь на выход.

В дверях комнаты по уху шлепает подушка. Под ноги пре-

дательски ныряет невысокий порожек, и я вылетаю в прихожую. Когда же возвращаюсь, то меня встречает довольная улыбка жестокой родственницы. Она лежит на боку, под щекой удобно примостилась правая рука.

– Сразу видно, что не читал книгу по растениям. Иначе плюнул бы вон на тот кустик, в углу прихожей, да и растер под носом, а ты заметался, запаниковал. Эх, Саша, всегда сохраняй голову холодной, иначе таких дел можно наворотить сгоряча, – тетя садится на кровати.

– Тетя Маша, дать бы тебе по загривку за такие шутки, но пока не справлюсь. Могла же просто на словах объяснить, – я укоризненно качаю головой.

Так недолго и «Кондратия» схватить.

– На словах ты вскоре забудешь, а под нервным потрясением навсегда запомнишь, что при обмороках помогает перечная мята. Да и вообще городские жители забыли, что ходят по лекарствам – сразу бегут к докторам и в аптеки. Тратят немалые деньги, а чтобы их заработать лишают себя времени и сил. Круговорот рабства. Нет бы, выбраться на природу, собрать в свое время нужные растения. Травят себя химией, вместо того чтобы набираться сил от матушки-природы. Вот ты помнишь, как лечился от вывиха ноги? – тетя срыгает со стены стебелек, плюет на ладошку и растирает в кашицу.

Подсовывает мне под нос – резкий запах мятной жвачки заставляет отшатнуться.

– Конечно, помню! Заставила помочиться на тряпочку, да привязала на ночь. А утром всю опухоль как рукой сняло. Я потом подобную помощь одной девочке в садике оказал, – я потираю нос, выгоняя остатки едкого аромата.

– Ага, ко мне ещё ее мама приходила и жаловалась, что ты дочке сандалии ухайдакал, а у девчонки просто судорога случилась. Еле утихомирила мамашу, а воспитатели ещё полгода следили, чтобы ты не проводил свою врачебную практику на других детях. Ладно, иди заниматься, я понаблюдаю из окошка, но чтобы выучил книгу на зубок, знания всегда важны. По весне пойдем за сбором. Как говорил один мудрец – чему бы ты ни учился, ты всегда учишься для себя, – тетя хлопает ладошкой по спине, провожая на улицу.

– Тетя, пока не забыл, скажи такую вещь – почему вдруг останавливается время, и я вижу себя как бы со стороны? Что это такое?

– Шизофрения, – меланхолично отвечает тетка.

– Вообще-то я серьезно, – я стараюсь протянуть как можно более обиженным тоном.

– В секунды крайней опасности любой человек видит себя со стороны, но не каждый успевает среагировать на то, чтобы эти секунды не стали последними, – учительским тоном произносит тетя. – Ты как раз и обучаешься быть быстрее, сильнее и проворнее людей. Ты прокачиваешься для игры.

– А когда обучусь быть проворнее оборотней?

– Если не начнешь сейчас же заниматься, то никогда! –

отрезает посерьезневшая женщина.

– С тобой точно все в порядке? А то я могу остаться.

– Не отлынивай, беги тренироваться! Иначе останешься на схватку, а в моем состоянии это очень опасно для здоровья. Для твоего! – тетя встает в стойку, и я пулей вылетаю на улицу.

Приходит весна. Распускаются почки на деревьях, на темных ветвях проклевываются светло-зеленые листочки. Проталины в сером снегу меняются на прозрачные лужи, пушистый зимний покров ежится и чернеет под палящими лучами солнца. Громче и увереннее поют по утрам просыпающиеся птицы. Природа понемногу оживает, словно пробуждающийся богатырь расправляет плечи и трещит суставами после долгого сна. Настрой на тренировки повышается с каждым днем. Хочется вставать по вечерам и бегать до умопомрачения, дышать удивительными запахами зарождающейся жизни.

Ближе к маю Евгений привез радостные вести.

Помню, как он стремительно влетел в село на отцовской «буханке», слепя редких прохожих желтыми фарами. Я затаился за деревом у нашего дома. Кто вылезет из машины? Евгений выпорхнул как бабочка, даже не заглушил мотор машины. Забухала отсыревшая калитка – отозвалась на торопливые удары кулака. Он как всегда стремителен и тороплив.

Вспыхнул желтоватый свет в окнах нашего дома, словно тетя только что проснулась, хотя сама давно заметила подь-

ехавший автомобиль. Прошелестела открываемая дверь. В халатике, накинутом на ночнушку, и шлепанцах на босу ногу, тетя старательно изображала разбуженного человека. Я черной тенью перепрыгнул забор и влетел в пристройку. Так, мимо двери в баню, пройти на цыпочках и остаться незамеченным.

– Теть Маш! Здравствуйте! А где Сашка? Пусть танцует и поёт! Я привез для него отличные вести! – похоже, что Евгений подпрыгивает на месте.

– Тише ты, оглашенный, всё село разбудишь! – шаркающие шаги приближаются к калитке, а я змеей проскальзываю в дом.

Пока тетя копается у входа, я успеваю раздеться и нырнуть под одеяло.

Евгений ворвался бушующим тайфуном, схватил меня за плечи и активно затряс – так хороший бармен взбалтывает шейкером коктейль. Я сделал вид, что проснулся и максимально постарался изобразить недоумение. Уставился на радостное лицо друга.

– Вставай, соня, а то все на свете проспичь! Парень в больнице из комы вышел! – Евгений чуть не приплясывает.

– Да ладно? И что, как?

– Тоже рассказал о большой собаке! С нас сняты обвинения, можешь выходить из подполья! Хотя, смотрю и так уже вышел, если на кровати развалился. Да ещё и с грязными руками! Теть Маш, с чего он у вас неряхой-то стал? – оборачи-

вається Евгений к тете, которая застыла в дверях и пыталась запахнуть непослушный халат.

Вот же я хорош – не вытер руки после лазания по деревьям! Тетя укоризненно покачивает головой. Она подходит ближе. Сухонькие руки мнут платок в руках.

– Привык по подвалам прятаться, вот и не вымыл руки, а я-то и упустила из виду. Эх, и задам же я тебе трепку, если простыня не отстирается! – грозит худой палец. – Я сейчас чайник поставлю, а вы пока поболтайте.

– Сдал, да? Доволен, да? Выслужиться хочешь? Фиг ты угадал, это моя любимая тетя и никому ее не отдам! – я хватаю Евгения за руку и валю на кровать, несколько раз пихаю под ребра.

Евгений делает вид, что пугается и закрывает голову руками. Потом обхватывает меня поперек туловища и пытается закатать в одеяло, но не тут-то было.

Как же слаб оказался мой друг, когда попытался меня побороть, словно пятилетний малыш против взрослого парня. Пришлось немного поддаться и побереечь его, чтобы нечаянно не поломать.

– Подлиза ты, Саша! – слышится из кухни. – Кровать не ломайте, лоси!

За столом, когда немного успокоились от переполнявших чувств, я слышу подробности того, почему приехал однокурсник. Последний нападавший, который лежал в коме, очнулся, и милиция сразу же сунулась к нему за показаниями.

Парень опознал меня и Евгения как двух жертв нападения.

Особенно живо обрисован момент: «И поднял он перст указующий и ткнул в одну из пяти карточек. Гроыхнул гром оглушающий и даже вода из стакана выплеснулась». Нам с тетей был показан спектакль, как перед Евгением за причиненные неудобства сухо извинился следователь. Как прожег его ненавидящим взглядом – всё в лицах и с максимальными эмоциями.

Не успевает Евгений закончить, как с улицы доносится звук ударов о калитку. Тетя вскакивает с табурета.

– Тетя Маша, нас же оправдали, теперь и на людях показаться не стыдно! – я стараюсь улыбнуться как можно более успокаивающе.

Тетя лишь вздохнула, мол, бесшабашный ты у меня, и вышла встречать нежданного гостя. Мы с Евгением невольно замолчали, прислушались к голосам на улице. Евгений даже чашку с чаем не донес до рта.

О, как! В такую рань участковый пожаловал. Шаги приближаются к дому. Тетя заводит пожилого человека в потертых джинсах и клетчатой рубашке.

– Здравствуйте, Семен Павлович! Арестовывать пришли? – я протягиваю руку.

– Дурачок ты, Саша! Если бы хотел арестовать, то давно бы это сделал! Или вы думаете, что в разведчиков играете? – участковый садится на освободившееся место.

В кружку, на шепоть чая, плещет кипяток.

– А что, Палыч, никак заметил? – тетя тоже подходит к столу.

– Эх, Михална, или люди совсем слепые, что ты в магазине покупать стала в два раза больше, а не толстеешь? Все же видели, что скрываешь кого-то, но у нас народ такой, что ментов не любит и не спешит сообщить. Эх вы, партизаны! – участковый отхлебывает, рыжеватые усы слегка ныряют в чай дегтярного цвета.

– Извини, но так нужно, да и тебе легче перед начальством отчитываться. Не видел и все тут! Сейчас-то нормально, Палыч?

– Да я вижу, что вперед меня новости дошли. Ладно, хоть чая напьюсь, все же не зря топал к вам, – участковый отхватывает кусок от плюшки.

Тетя улыбается, но глаза остаются задумчивы.

– Палыч, так что же теперь?

– А что? Выходите из подполья, да гуляйте смело! Не пакости больше, да не влезай в драку, вот и весь расклад, – говорит милиционер, глядя на меня.

– Не до пакостей сейчас, Семен Павлович. Пропустил я много из-за этой неразберихи. Буду восстанавливаться в техникуме. Да и девчоночку нашел, не до драк теперь, – я грозно зыркаю на саркастически кивающего Евгения.

Тот улыбается, мол, свежо предание...

Ещё немного посидев, участковый уминает пару ватрушек и прощается. Тетя выходит проводить, я тут же кидаюсь к

трудо и, схватив ручку с листком бумаги, пишу несколько слов.

– Женька, передай Юле при встрече. Скажи – пусть не грустит, скоро увидимся, – я сую сложенный клочок бумаги Евгению в руки.

– Да я бы и на словах передал, – бурчит друг и засовывает бумажку в карман.

– Ты передашь, я знаю, потом краснеть придется хлеще помидора. Нет, передай записку, на словах ничего не нужно. Тсс, – я прикладываю палец к губам, услышав, как тетя заходит в дом.

– В общем, мальчишки, пусть пока жизнь идет, как шла. Саша, восстановишься на следующий год. Женя, дальше продолжаешь говорить, что не видел его и не знаешь, где он. Понятно? – тетя внимательно смотрит на нас.

– Тетя, так амнистия же, нас оправдали! – я недоуменно гляжу на нее.

– Амнистия! Какое слово вспомнил! Не простила милиция тебе побега, да и за больницу злы как черти. Малейший предлог нужен, чтобы снова упрятать за решетку. Женя, договорились?

– Да, тетя Маш, не видел, не знаю, весь в горе от потери ближайшего друга. Косыночку черную надевать? – улыбается Евгений.

– Поюродствуй еще, шут гороховый! – гаркает тетка и пригвозждает Евгения к стулу тяжелым взглядом. – Со смер-

тью не шутят, и над ней не насмеваются! И вообще хватит ватрушки трескать, проглот, домой шуруй. Про Сашку ни слова!

– Понял, тетя Маш, я ещё ватрушечку на дорожку прихватчу, чтобы Саньке меньше досталось? А то гляньте, какую он ряху отъел, – Евгений обувается, виновато улыбаясь.

– Возьми, оголоед! Домашним тоже не говори о Саше, меньше знают – крепче спят. Все понял? – тетя ждет, пока мы прощаемся, и выводит Евгения к калитке.

Я смотрю в окно, как Евгений запрыгивает в машину. Он так и не глушил её, вот же рассеянный – записку не забыл бы передать, а то с него станется.

– Что-то строго ты с ним? Подумаешь, рассказал бы родным, что бы произошло?

– Саш, уже происходит – пропадают без вести охотники. Опытные, не первый год охотящиеся на оборотней, а ты даже близко не подошел к своей первой охоте, вот что страшно. Занимайся активнее, не ленись, и вскоре Женька расскажет о тебе, – тетя говорит медленно, задумчиво, убирая посуду со стола.

– А я слышал про воинов ночи, ниндзя всяких японских. Это случаем не охотники? Уж больно мои тренировки на их похожи.

– Были, пока не вздумали стать сильнее. Один укушенный рассказал – какую силу приобрел, остальным тоже захотелось. В итоге пришлось убить всех бывших охотников, иначе

они уничтожили бы Японию. Оборачивающийся охотник не может остановить убийства и с ним очень трудно справиться. Тебе бы и с обычным перевертнем совладать, а то втыкал иглы и чуть сознание не терял. Как девочка, что первый раз на приеме у гинеколога, – хмыкает тетя.

– Ну, так что, я заниматься? – я весело вскакиваю из-за стола, ловлю брошенную чашку и в нее же влетает нож.

– Давай завтра, только старайся не показываться людям на глаза. Знают, но пусть не видят, что ты вытворяешь. Занимаешься на воздухе так же по ночам, днем же в своем бунгало, как будешь нужен – позову. Зато сегодня можешь отоспаться на нормальной кровати. Руки помой! – увидев, с какой скоростью я двигаюсь в сторону мягкой лежанки, окричивает тетя.

Ночи укорачиваются, и я меньше и меньше нахожусь на улице, чтобы не быть увиденным случайным глазом. Тетя же с каждым днем становится мрачнее и печальнее. Я смог-таки выпытать причину беспокойства – оказалось, что от охотников в России осталось не больше сотни человек.

Охотники пропадали один за другим на протяжении долгой зимы. На врага ставили засады, но похититель словно чуял их и обходил стороной. На месте пропажи не находили никаких следов, ни запаха, ни крови жертв, ни царапин от когтей – охотники тихо исчезали, также, как и их ученики.

Тетя ездила к Иванычу, общалась по поводу пропажи охотников. Кряжистый учитель двух веселых парней тоже

ничего не знал о том, кто похищает охотников.

Перевертни и берендеи сами находились в недоумении по поводу происходящего. Главы кланов собирались на огромный сход, но никто ничего не мог сказать о происходящем. Решили взять под наблюдение оставшихся охотников.

Тетя Маша отказалась от надзора, мол, и так немного жить осталось – лучше в схватке помереть, чем в теплой постели, но всё-таки мы нарастили ещё два защитных круга. Ворох медных игл расположился по лесу, дороге, часть ушла под воду в реке. Мы окружили себя заговоренной защитой от любого вида оборотней, но я иногда ловил встревоженный взгляд тети.

Тренировки с каждым днем становятся жестче. Мария Михайловна бьет в полную силу. Я редко ложусь спать без огромного бланша под глазом или синяков на ребрах. Приходится постоянно быть настороже, неизвестно когда полетят предметы, или какой будет ужин.

Я прокачиваю лечение, травоведение, духовную сущность... Я металл... Я непобедимый охотник...

Тетя старается разнообразить меню, да и меня, за компанию. И я не знаю наперед – чистая еда или с добавлением таинственных трав, от которых кожа покрывается зудящей сыпью, или же, после скудного обеда, в глубокой задумчивости просиживаю в туалете долгое время.

– Совести у тебя нет! – кричу я ей из туалета.

– Совесть есть, а вот времени нету! Ты не рассиживайся

долго, а то кишки вылезут. Про лечение тебе говорила, пока не вспомнишь, как выздоравливать, так и будешь стрелять в пучину! – тетя спокойно копается на грядках.

Так я узнал, какими травами лечат болезни, какими заживляют раны, какие прибавляют сил, какие наоборот ослабляют. Раньше думал, что сказки про «сильную» и «слабую» воду рассказывают только детям, однако реальность оказалась куда фантастичнее. Собирал такие растения, на которые год назад просто наступал, и не подозревал об их силе и значении – очень пригодилась книга по растениеводству.

Я прокачиваю скорость, выносливость, интуицию... Я ветер... Я непобедимый охотник...

На стоявших истуканах отрабатываю удары до автоматизма. Теперь, когда тетя швыряла чучела в мою сторону, то пальцы, окрашенные краской, всегда оставляли след в нужной точке. Медные иглы поражают точки из любого положения.

Я прокачиваю ночное зрение и нахожусь большее время в темноте... Я убийца оборотней... я оружие, которое не знает промаха... Я непобедимый охотник...

– Что ж, в этом тебе не откажешь. Даже при полной темноте видишь, как сова на охоте, но рано ещё расслабляться, вот тебе повязка на глаза, – и тетя протягивает плотную ткань.

Ладонь без труда проникает в кадушку с песком, даже когда тетя пересыпает его камнями. Пальцы окрепли настоль-

ко, что могу гнуть гвоздь-сотку.

Евгений заезжает всё реже, оно и понятно – диплом на носу. Да и после пропаж охотников тетка осторожничает. Мало того, что мне не удавалось покинуть круги защиты, так и сама почти никуда не выбирается.

Евгений мало чем радуется, когда я расспрашиваю о Юле. Он рассказывает о постоянно встречающейся у техникума милицейской машине, о том, что пропадает на несколько дней, потом появляется и прячет глаза за большими солнцезащитными очками.

Постоянно вспоминаю рассказ о том, как он передал записку. Как вспыхнули карие глаза, как радостно зажглась улыбка, как посветлело личико. Конечно, много Евгений добавил от себя, поэтического таланта у него не отнять, но записку, посланную от Юли, я хранил под человеческим манекеном. На небольшой четвертинке листка округлым почерком старательно выведено: «Возвращайся, я жду тебя. Юля»

Тетя ничего не знала о нашей переписке – не хотел лишний раз волновать старушку, одним щелбаном сбивавшую быка с ног.

Я всё также вижу изредка видения и изучаю тонкости и хитрости охоты. Мне помогает опыт охотников, идущих из самой глубины веков...

Милиция отцепилась от меня, пару раз заезжали, брали показания и на этом успокоились.

Местные тоже к нам не суются. Тетя быстро отучила сту-

чаться в калитку заемщиков и болтушек. Соседи немного посудачили о моем неожиданном появлении и вернулись к своим огородам – наступила пора сажать и сеять.

Тетя тоже заставила посадить картошку, лук и другие овощи. Единственное неудобство заключалось в том, что лопата не дается, приходится копать руками, как кроту. Однако после кадушки с щебенкой это показалось детской шалостью – за одну ночь управился.

– Два солдата из стройбата заменяют экскаватор! – комментирует мою работу сидевшая на лавочке тетя. – Вот не сможешь восстановиться в техникуме, тогда отправишься в армию. А у тебя уже и опыт имеется – прямая дорога на генеральские дачи.

– Восстановлюсь, закончу и тогда в армию! Потом можно и в институт поступать, если за два года всю учебу не выбьют. Я же существо ласковое и нежное, мне бы плюшки трескать да в телек пялиться, а ты меня копать заставляешь! – ворчу я на тетю.

– Копай глубже, иначе перекапывать заставлю, нежное существо! – тетя пуляет щепочкой.

Я еле успеваю увернуться от пролетевшего снаряда. Щепка втыкается в доску забора и замирает на черной поверхности, как уродливый сучок. Я взглядом стараюсь передать всю глубину возмущения и уклоняюсь от второй щепки.

Теплее становятся ночи, жарче дни. Многие люди, уставшие от долгой зимы, приезжают на Святое озеро пожарить

шашлык и просто отдохнуть. Подогретые алкоголем прыгают купаться, правда, градус быстро выветривается в холодной воде. На плавающих людей смотрят, как на сумасшедших, либо как на героев, если похожая «смелая вода» гуляет по крови.

Бой за жизнь

Появляются разноцветные палатки. Каждый вечер, пробегая по лесу, я то и дело вижу новых туристов. Иногда приходится тушить забытые костры, чтобы по лесу не пошел пал.

В один теплый вечер я бесшумно мчусь по лесу, под ногами пружинит мягкий мох, едва слышно шуршит прошлогодний ковер опавших листьев. Птицы, припозднившиеся к ночевке, провожают заходящее солнце усталым пересвистом. Красные лучи пронзают зародившуюся листву, постепенно поднимаются выше, оставляют деревья на ночь без света и тепла. Природа понемногу засыпает.

Легкие работают, как поршни в «Ламборгини». Ноги не знают усталости. Куда там Ведьмаку Сапковского с его тропой – охотник по имени Саша легко уделает его по скорости и выносливости.

Сквозь шелест играющего с листьями ветерка издали доносится зычный голос кукушки. Не считаю, сколько раз прокуковала – ни к чему тревожить судьбу. Подныривая под раскидистые ветви кустов, огибая шершавые стволы деревьев, я бегу вслед уходящему солнцу, стараюсь двигаться как можно тише.

Ничего не предвещает опасности, когда впереди пилой лесопилки звенит тонкий женский визг. Крик о помощи обры-

вається почти сразу, будто выключили звук на телевизоре. Я бегу туда, как и всякий нормальный русский человек, когда звучит мольба о помощи.

Ноги сами выбирают дорогу, перепрыгивают через поваленные стволы, оббегают небольшие овражки. Звук борьбы приближается с каждым прыжком, с каждым отрывом от земли.

Я со всего маху налетаю на невидимую упругую стену, жестко отбросившую назад.

Долбаный Защитный круг! Он меня не выпускает!

В нескольких десятках метров от меня происходит яростная борьба. Двое парней разложили на земле девушку, а та кричит и из последних сил пытается вырваться. Поодаль лежит парень с разбитым носом и связанными руками. Возле него без сознания другая девушка.

Один насильник улыбается, прижав локти светловолосой жертвы коленом к земле. Правая рука закрывает рот, левая же активно мнет белоснежные груди с пунцовыми навершиями. Разорванная майка белеет опавшими крыльями.

Второй пытается стянуть красные трусики, резко контрастирующие на белизне незагорелого тела. Девушка отпихивается ногами, бешено мотает головой, мыча сквозь удерживающую руку.

Она кажется чем-то знакомой, а когда её взгляд падает на меня, то словно ушат ледяной воды опрокидывается на голову!

Юля!

Юлю распяли на земле и пытаются удовлетворить животную похоть незнакомые парни! Точно не сельские ребята – этих я не видел раньше, даже среди тех, кто приезжал в гости.

Юля!!!

Только сейчас до меня доходит ужас происходящего, до этого мозг отказывается верить глазам. Я бью в стену защитного круга, но, как всегда, она упруго отшвыривает обратно. Кидаюсь второй раз, третий.

Парень смог раскинуть бьющиеся ноги и дергает за ширинку, пытаюсь опустить бегунок вниз...

– Отпустите девчонку, твари!!! – я ору как можно громче, в надежде испугать и сорвать преступление.

Молодые люди вздрагивают и поворачивают голову на звук. Лежащая Юля тоже увидела меня и активнее забилась в удерживающих руках.

Юля, моя девочка!

Ещё раз вонзаюсь плечом в защитный круг – моя охрана и моя преграда на пути к спасению любимой. Я отлетаю и шлепаюсь на пятую точку. Вскакиваю обратно. Может, со стороны это и выглядело забавно, будто я мим и даю бесплатное представление, но мне явно не до смеха.

Молодые парни ничем не отличаются от других, гуляющих по улицам, сидящих на парах, болеющих за футбольные команды – никаких угрюмых взглядов и тупых лиц. Глаза

внимательно осматривают меня, а после рты растягиваются в улыбке – я оказался один, парень без сознания не в счет.

– Слышь, пацан, вали отсюда! Или присоединяйся, после нас будешь. Тут на всех хватит, – парень похлопывает по лоскутку красной ткани.

Юля умоляюще смотрит на меня, как на последнюю надежду, так утопающий смотрит на медленно приближающийся берег. От взгляда, от молчаливого призыва о помощи глубоко внутри закипает клокочущее безумие ярости. Моментально все краснеет, остаются три цвета, ярко-белый, зловеще-черный и различные оттенки крови. Время замедляется.

Уничтожить! Ненавижу!

Я всасываю недостающий воздух...

Дрожат колени от выплеска адреналина...

Злая энергия распирает изнутри, по венам струится обжигающий огонь, я буквально вижу разделяющую нас преграду. Защита натягивается переливающейся паутиной, когда я сантиметр за сантиметром прорываю твердую ткань. Тонкие лапки трещин бегут по магической стене, и она продавливается, распадается на сотни блеснувших и тут же раставших осколков.

Волна торжествующей радости от преодоления преграды подносит к следующему кругу.

Ещё немного и я смогу тебя защитить!

Юля! Держись!

Со стороны выглядит представлением французского клоуна, когда человек, вырвавшись из одной невидимой преграды, ударяется о другую.

Меня отбрасывает назад отпружинившей преградой, но я начинаю продавливать очередную стену. Капли пота дрожат на бровях, я чувствую, как в плечо втыкаются раскаленные иглы, но давлю дальше. Наполненные влагой карие глаза придают сил, энергия выхлестывается через край. Я беззвучно кричу, пытаюсь вдохнуть как можно больше воздуха.

– Блаженный что ль? Много сейчас дурачков в деревнях развелось! – удерживающий тонкие руки, парень наблюдает за моим выступлением. Он кидает вниз. – Расслабься, милая и получай удовольствие, этот пацанчик тебе не защитник. Видишь, он сам с собой не может справиться, ноги заплетаются.

Я чувствую, как плечо протискивается в прогибающуюся стену, тело превращается в каменный таран, и в тоже время такой легкости в мышцах давно не ощущалось.

Беззвучный треск, мириады искр в плечо, и глаза, молящие о спасении...

Держись, Юля, я иду!

Ещё немного и стена разлетается, как и прежняя. Отнимается от боли плечо, когда ударился о последнюю преграду. Защита? Какая защита, когда рядом такое...

Насильники в десяти метрах даже не думают прекращать свое дело. Юля из последних сил выбивается, крутится как

уж на сковороде, но видно, что не так далек тот миг, когда она обессилено сдастся.

Миллиметр за миллиметром я протискиваюсь в непробиваемую твердь...

Миллиметр за миллиметром толкает иссякающая сила...

Миллиметр за миллиметром я глубже проникаю в последнюю, самую заговоренную стену...

Юля закатывает глаза, похоже, что сознание не вынесло унижения и соскользнуло в спасительное беспомыслие. Точные ноги обессилено вытягиваются по обе стороны от насильника. На матовой коже ярко-синими пятнами наливаются следы от хватавших пальцев.

– Смотри, убогий, что настоящие мужики с бабами делают. Потом и сам сможешь попробовать, а то когда ещё шанс обломится! – насильник стягивает джинсы, не отрывая взгляда от сдавшейся цели.

Я рычу, с головой захлестывает ненависть, подбрасывая в горящую топку ярости очередную порцию гнева.

Миллиметр за миллиметром...

Мразь! Уничтожить!

Таким не место на земле.

Миллиметр за миллиметром.

Воздух вагонами летает по легким.

Убить! Разорвать!

Миллиметр за миллиметром.

Все ближе, лишь бы успеть. Лишь бы не дать ей повода

возненавидеть мужчин.

Миллиметр за миллиметром.

Я второй раз рождаюсь, пробивая держащую пленку.

Другой насильник тоже избавляется от одежды – скидывает майку и берется за ремень джинсов.

– Стойте, гандоны! – я захлебываюсь криком.

Но главное – смог отвлечь!

– Как ты нас назвал, полудурок?

Парни поднимается от полуобнаженной девушки, уверенные в своей силе и превосходстве двоих над одним. Два молодых человека, убежденные в своей правоте и праве поступать безнаказанно...

Меня отделяет от них тоненькая пленка...

Незыблемая стена падает, разлетается мелькнувшей серой пылью. Я оказываюсь лицом к лицу с полураздетыми парнями. Тяжелые руки взлетают в стойку.

Прорыв сквозь стены защитных кругов отнял почти все силы, красная пелена ярости понемногу спадает, но я ещё в состоянии справиться с двумя засранцами. Дыхание вырывается сквозь раскаленные легкие, в ушах гулко бухает кипящая кровь.

Молодые люди избавляются от одежды, остаются в небольших плавочках. Спортивные тела, рельефные животы – на таких девушки сами вешаются, а им захотелось недоступного. Позади «культуристов» лежит без сознания Юля.

– Ну что, парни, я вам предлагал оставить девчонку? Пе-

няйте на себя! – из горла вырывается не то крик, не то рык.

Парни переглядываются и ржут. Смех пригибает все ниже к земле. Хохот сотрясает крепкие тела, головы клонятся к молодой траве, ещё немного и парни уткнутся лицами в землю.

Ну, посмотрим, кто сейчас посмеется, ублюдки!

Я делаю шаг по направлению к смеющимся людям, и те резко выпрямляются. Однако, не просто выпрямляются – словно внутренним взрывом разрывает розоватую кожу, и на свет вырывается черная шерсть. Кожа ошметками сыпается вниз, в сочную траву, в желтизну одуванчиков. К небу поднимаются оскаленные пасти, из недр вырывается оглушающий вой, бьющий молотом по барабанным перепонкам.

Руки, недавно тискавшие мягкое тело, вытягиваются в мохнатые грабли с острыми когтями. По ним буграми струятся мускулы, похожие на корни старого дуба. Туловища раздаются в плечах, подобно надувшей капюшон разозленной кобре, вспучиваются круглыми валиками разросшихся мышц.

Спустя несколько секунд передо мной стоят два молодых оборотня. Острые блестящие клыки вылезают наружу, глаза сверкают из чащи жестких черных волос, вытянувшиеся уши нервно подрагивают. Вот почему ребята оставались спокойными, когда я ломился к ним – какой-то сельский дурачок против двоих мощных зверюг.

И я сам проломил защиту от них, да к тому же остался по-

чти без сил. Колени дрожат, пелена ушла из глаз, но ярость продолжает поддерживать на ногах. Теперь же к ней прибавляется ненависть. Ненависть к убийцам родителей и многих охотников, к свободно разгуливающим тварям.

Убить! Уничтожить!

Перевертни довольно переглядываются, когда я «в ужасе» заслоняюсь руками, падаю на колени и ползу обратно. Никакого оружия в руках, но я успеваю заметить блеснувшую на солнце шляпку медной иглы под елочками мха. Тетя всегда заставляла носить с собой одну из игл.

На всякий случай.

Как гласит японская мудрость: «Даже если меч понадобится один раз в жизни, носить его нужно всегда». Понадобился меч, но он так невообразимо далеко от меня...

Я проломил три Защитных круга, и эта спасительная соломинка вылетела из петли на одежде.

Как до неё добраться?

Оборотни урчат, предвкушая скорую потеху. Только бы доползти, а там мои шансы выжить немного увеличатся. Два метра до иглы, словно два миллиона километров – бесконечность. Я играю самозабвенно, словно выступаю перед Станиславским, подвываю и морщусь. Обоссался бы, но решаю не переигрывать. Я отползаю прочь, загребаю руками влажную прелую листву.

Как же трудно двигаться – после преодоления кругов тело ломит, руки даже и не думают подниматься.

Надо собраться! Надо!

– Защитник! – ревет правый «демон ночи». – А кто тебя защищать-то будет?

– Уйдите, бесы! Не трожьте меня, окаянные! – тонким голосом я верещу в ответ. Вроде получается.

Перевертни упиваются своей властью над ползущим, ничтожным человечешкой. Растягивают удовольствие, наслаждаются страхом и ужасом, у меня даже слюна течет из уголка губ. Возвышаюсь над слизняком, словно вставшие на дыбы кони.

Все для зрителей, все для успеха...

Убить! Уничтожить!

Время понемногу замедляется.

Полтора метра до иглы. Шляпка краснеет как налитая солнечным светом клюква среди пушистых кисточек мха – тонкий столбик надежды на победу, надежно утопленный в мягкой земле. До него всего один прыжок, пара шагов или пять ползков – только бы не заметили. Я стараюсь не показывать направление, а медленно отползаю. Прочь от оборотней... и ближе к игле.

– А хочешь стать таким же бесом? – спрашивает оборотень и шагает ко мне.

Второй же принюхивается, блестящий нос подергивает под дуновения ветра.

– Нет! Не-е-ет! Мама-а!! – пишу я и отшатываюсь от нависающей глыбы мышц.

Получается выиграть ещё полметра – протяни руку и возьми, но внезапно гулко ухает земля. Возле перепачканных рук вырастает нога перевертня, по ней струятся взбухшие вены, которые бечевками перетягивали мохнатый ствол.

Цель так близка, но нельзя показывать вида, нужно продолжать играть. Я испуганно сжимаюсь, остальными чувствами ощущая склонившегося оборотня. На плечо ложится лохматая лапа с острыми когтями, словно выструганными из крепкого дерева и опущенными в черный лак. Крючковые пальцы похожи на толстые ветви вяза, крупные, шершавые. Спинным мозгом я ощущаю, как оборотень приготовился вцепиться в шею «беззащитной» жертвы, но его тяжелая лапа слегка подталкивает мое тело вниз. Я этим не преминул воспользоваться.

Нырок головастиком в подрастающую траву, и кончик носа почти упирается в шерсть на мускулистой ноге. Запах мокрой псины ударяет по обонятельным рецепторам.

Взгляд падает на красного муравья, который спешит по своим делам и перебирается через жесткие волоски. Вот ему-то совсем наплевать на двух громадин в синем небе – он тащит соломинку.

Руки скользят вперед, животом я ощущаю выпирающий из земли корень. Дождевым червем в руку скользит холодный стержень.

Есть!

Теперь я вооружен и даже опасен, хотя и подвываю от ужа-

са.

Играть! Всё для благодарных зрителей! Всё для Игры!

– Тля! – гремит надо мной так, словно небольшой обвал случился в горном ущелье. – И ты хотел заступиться за девушку, когда сам себя не в силах защитить? Ты не достоин человеческой смерти и будешь раздавлен как насекомое, как вонючий клоп.

Нога убирается, пора!

Выдох!

Время замирает, застывает в воздухе тополиная пушинка, еле-еле поднимаются крылышки у пролетающей мимо стрекозы. В её фасеточных глазах отражается поднятая лапа оборотня, словно танцующий ухарь выделяет коленце и замер, прежде чем топнуть о землю; отражаюсь я, что застыл под лапой; отражается второй оборотень, который скалится в стороне.

Окружающий мир покраснел...

Я перехожу в режим охотника...

Перекатываюсь на спину и выстреливаю правой рукой! Как раз в точку на ноге, которая парализует волосатую конечность. Как на тренировке – удар и тут же откат от чудовища.

Время возвращает свой прежний ход. Перевертень воет, ударив по пустому месту. Лапища взрывает дерн и по щиколотку погружается в мягкую землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.